

ПОЛ БЕЙТИ

Черный кандидат

”

ОТ АВТОРА «ПРОДАЖНОЙ ТВАРИ» –
ЛАУРЕАТА БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ 2016 ГОДА

Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд

Пол Бейти

Черный кандидат

«ЭКСМО»

2000

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бейти П.

Черный кандидат / П. Бейти — «Эксмо»,
2000 — (Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд)

ISBN 978-5-04-091707-5

Экстравагантная сатира на политический мир на уровне гетто от букеровского лауреата. Пол Бейти рисует злые улицы Гарлема проблемными красками. Уинстон «Борзый» Фошей, добродушный человек-гора, который запросто может сломать челюсть, стоит перед нелегким выбором любого парня с района, мечтающего о миллионах, – ограбить банк или баллотироваться в городской совет. Этот роман заставит по-новому посмотреть на выборы, золотых рыбок и замаскированный расизм. Голосуйте за Бейти!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-091707-5

© Бейти П., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

1. Борзый и Плюх	6
2. Paquetes de seis de bud	18
3. Борзый и Иоланда	23
4. Крыльцо	36
5. Инес	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пол Бейти

Черный кандидат

Перефразируя бессмертного Бигги Смолза – эта книга посвящается всем моим ниггерам, которые продолжают борьбу, в литературе и в жизни: Ниггеру Джиму, Кигегу, Дилси, Кандиду, Дяде Тому, Тикейку, Дэну «Спуку» Фримену, Стаголи; Элу и Рональду, Джерри, Чарли и Билли, Т. Морроу, ДСР, Д. У., Лоусону и Тоу Расселу.

Спасибо Шеле, Пэм, Джордану, Юргену, Анне, Шерон, маме, бабушке и Эйке.

Особые благодарности Шону Уильямсу и Юри Кочияма за их терпение и поддержку.

© Аракелов А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

1. Борзый и Плюх

Когда Уинстон Фошей, придя в себя, обнаружил, что лежит на деревянном полу наркопритона в Бруклине, инстинкт заставил его не открывать глаза, а, наоборот, крепче сжать веки...

Обычный человек, отходя ото сна, моргает. Уинстон же встал с закрытыми глазами и выставил перед собой руки в поисках зеркала – он знал, что оно стоит где-то между кожаным диваном и галогенным светильником. Как мальчик, играющий в «прицепу ослу хвост», он нащупал большую, в человеческий рост, раму, осторожно коснулся стекла кончиками пальцев и медленно открыл глаза. Подозрения об ищачьем облике полностью подтвердились.

Из зеркала на него таращится осел с изможденным, дочерна закопченным лицом и сердцем туземца с берегов Конго. На подбородке курчавится редкая борода. Лоб насуплен глубокими морщинами. Веки полуприкрыты, поджатые толстые губы не намекают ни на улыбку, ни на оскал. Человек с таким лицом с равной вероятностью может спросить, который час, или потребовать кошелек. Лицо у отражения настолько непроницаемое, полное фирменной крутизны Восточного Гарлема, что Уинстон и сам не может угадать, о чем думает. Но сейчас все иначе. Сейчас все его мысли так же очевидны, как растрескавшийся двойник в зеркале. Он потрогал пулевую пробоину, превратившую его нос в белый прыщ стеклянного крошева, и подумал: «Ниггеры есть ниггеры».

Несколько секунд назад Уинстон находился в отрубке, как белый боксер-тяжеловес, и, как и боксер, был потерян для своей расы, поэтому Уинстон не торопился поверить в здоровье, которым светилось его отражение. Он похлопал себя по бокам, словно искал в карманах зажималку. Ни единого попадания. Ударил себя кулаком в грудь:

– Этот, сука, ниггер, жив на всю катушку.

Кроме него в этой бруклинской квартирке валялись еще три типа из гетто, навсегда умолкшие молодые гангстеры, неподвижные, с распахнутыми ртами и остекленелыми глазами, как фигуры из музея восковых фигур знаменитых преступников. В комнате было тихо, похоронный такой дзен, только ободранные занавески хлопали на ветру да ворковал насос аквариумного фильтра.

К Уинстону начал возвращаться расслабленный, нагловатый вид, который слетел с него несколько мгновений назад, во время стрельбы. Схватив левой рукой мошонку, Уинстон направился к ближайшему телу, которое еще недавно знал как Чилли Моуста из Флэтбуша. Чилли Моуст навалился на кофейный столик, уткнувшись лбом как раз между пищевой содой и весами. Пять минут назад Чилли возился с чашами и гирьками в ожидании неразбавленного кокаина и громогласно возмущался идиотизмом действующего мэра, который хвастался своими заслугами в снижении уровня преступности:

– Наш мэр думает, что придурков, желающих зашибить деньгу, остановят рифмованные кричалки, дополнительное патрулирование и смертная казнь. Да я сам преступник, без пяти минут профессор криминалистики, и не надо мне втирать, что дурацкий слоган «Выброси бритву, сходи на молитву», коп на мопеде и электрический стул заставят тебя подумать дважды. Я тебя умоляю: решившись на преступление, ты уже дважды сделал выбор. Подкрасться сзади или наброситься спереди? Сказать «Деньги гони!» или более традиционное «Кошелек или жизнь»? Засунув дуло чуваку в ноздрю, ты думаешь: стоит сдержаться или таки провентилировать ему черепушку? А потом говоришь себе: «Да хрен с ним, жми». Это еще две мысли. Ну а вышка просто заставляет тебя убивать больше. Мочканул одного, вкусил крови, начинаешь убирать свидетелей. Это ясно любому кретину с крупицей здравого смысла. И если в городе так безопасно, почему мэр по-прежнему не появляется на улице без девяти телохранителей? Все это предвыборная брехня – если преступность снижается, так потому, что черные

мочат черных. Как в природе: если жратвы становится меньше, аллигаторы начинают есть друг друга, сокращая популяцию.

Чилли Моуста и впрямь сократили. Пуля проделала в его макушке дыру с пол-ладони, откуда на обугленное входное отверстие натек толстый слой крови в смеси с серым веществом мозга выпускника начального колледжа. Отведя глаза от этой мерзкой картины, Уинстон закинул в рот жвачку и пробормотал:

– Господи, как я ненавижу Бруклин.

Когда Уинстону исполнилось восемь лет, отец повез его и несносных бруклинских племянников на Кони-Айленд. Подарком сыну был взнос за участие в ежегодном конкурсе по поеданию хот-догов. Уинстон поучаствовал и даже выиграл, но его дисквалифицировали, потому что он запил тридцать три футовые сосиски папиным тепловатым пивом. Так что вместо годового запаса говяжьих сосисок ему достался пятидесятидолларовый штраф за употребление алкогольных напитков несовершеннолетними.

Затем их компания переместилась под купол шапито, где Гарри Гортензия, Бородатая женщина, лежала на доске с гвоздями и позволяла детишкам прогуляться по ее животу. Заметив боковым зрением Уинстона, трусившего к ней, как юный гиппопотам, Гортензия мгновенно вскочила с гвоздей, ради смеха похлопала его по пузику и подарила расстроенному мальчику первый в его жизни поцелуй. Потом Саламандровый Сэм – Мальчик-Амфибия – жонглировал горящими булавами, а кузен Уинстона Карл изображал ведущего телешоу: носился по проходам, совал незнакомцам под нос воображаемый микрофон и спрашивал: «А вот моего братца Уинстона поцеловала бородатая тетка... Он, что ли, стал педиком?»

Следующим пунктом в программе значилась «Адская нора».

Аттракцион «Адская нора» представлял собой вертикальный металлический цилиндр, который раскручивался с такой силой, что людей внутри прижимало к стенам, как магниты для холодильника. Служитель взял у Уинстона билет, покосился сначала на округлого, как неваляшка, чернокожего мальчугана, а потом на ржавые растяжки, удерживавшие цилиндр.

– Сынок, ты сколько вешишь?

– Совсем немного, – ответил Уинстон, пытаясь удержать набегающие слезы. – Прошу вас, мистер, у меня сегодня день рождения.

Парень помедлил, потом махнул рукой.

– Только держись подальше от двери. Так, остальная шантрапа, вы становитесь напротив мальчика-Будды, для баланса.

Уинстон прижался к холодной стальной стене, избегая взглядов своих мелких родственников, ожидавших нового шоу.

– Вот увидишь, Уинстон, твоя жирная задница не даст нам раскрутиться!

Внизу под цилиндром что-то засвистело, и конструкция начала вращение. Вскоре центробежная сила распластала всех – даже Уинстона – по стенам. Он забыл все обиды, его кузены и кузины визжали и смеялись, кричали механику: «Убирай пол!» С болезненным ржавым диском под ногами пополз вниз, и на секунду вес Уинстона перестал быть проблемой: он прилип к стене, как расплюснутая муха, наравне с остальными.

Но потом, едва Уинстон позволил себе улыбнуться, он ощутил, что сползает вниз, словно капля краски. Что, уже откатались? Нет, кузина Джули по-прежнему горизонтально «плыла» вдоль стены и не думала опускаться.

– Поглядите на Уинстона! – заверещала она. – Он падает, как долбаный дохлый голубь!

Дети вокруг него и выше осыпали издевками беспомощного пухлого восьмилетку, попавшего в плен стального водоворота. Уинстон харкнул в сторону Антуана, женоподобного кузена, который обзывал его громче всех. Ком слизи лениво повисел в воздухе мучительную секунду, а потом упал обратно, прямо на переносицу. Даже отец смеялся. Уинстон заплакал. Слезы не

текли по его пухлым щекам, они лились назад, по вискам и куда-то за уши. Звуки издевательств тринадцатилетней давности заглушили в ушах Уинстона эхо недавней перестрелки.

– На хую вертел я Бруклин и вас, ниггеров!

И вот, этой последней прохладной летней ночью количество ненавистных Уинстону ниггеров уменьшилось в Бруклине на три человека. Чилли Моуст, который называл всех чернокожих парней «богами», сам оказался не слишком божественным и не смог воскреснуть. Золтан Ярборо, постоянно хваставший своими бруклинскими корнями («Браунсвилль, никогда не бежал, никогда не показывал тыл»), превратился в окоченевшее воплощение этого девиза. Одна его нога лежала на подоконнике, а пуля, как и все, что говорила ему когда-либо мать, влетела в одно его ухо и вылетела в другое. Деметриус Броднакс из «Сделай-или-умри-Бед-Стай» валялся на полу. На его обнаженном торсе цвета свежей земли от грудины до пупка протянулась цепочка пулевых отверстий. Уинстон злорадно оглядел труп Деметриуса, всмотрелся в остекленевшие глаза бывшего босса: его подмывало сказать: «Я увольняюсь» – и попросить расчет. Вместо этого Фошей подошел к аквариуму, прижал нос к стеклу и задумался, кто теперь будет кормить рыбку.

Как и большинство работ, на которые Уинстон нанимался после школы, эта окончилась раньше времени. А началась всего две недели назад, с собеседования, на котором в качестве резюме он предоставил собственное лицо, а в качестве рекомендательных писем – две фразы своего лучшего друга, Фарика Коула: «Этот толстый ниггер не шутит. Йоу – на районе все знают: вырубит любого одним ударом». Никаких там «Мистер Фошей, как, по вашему мнению, сочетаются ваши личные карьерные устремления и наша корпоративная миссия? Как у вас обстоит с мотивацией? Какие книги вы прочли в последнее время?». Деметриус просто вручил ему удостоверение члена гетто-профсоюза: автоматический «Рейвен» двадцать второго калибра, который Уинстон спокойно, но не задерживая в руках, вернул обратно.

– Тебе чего, пушка не нужна?

– Не-а.

– Слушай, чувак, ты, может, умеешь сбивать с катушек любого уличного придурка, но в нашем бизнесе люди будут трясти у тебя перед носом совсем не кулаками.

Уинстон пожал плечами.

Деметриус смерил его с головы до ног.

– Ты ж не ссыкло вроде. Не похож.

– Никогда не отступай. Один раз поддашься, больше не остановишься, да? Я просто не люблю пушки.

– Дело твое. Когда сюда ворвутся какие-нибудь мудаки, ты окажешься у них на пути и за твоей жопой смогут укрыться двое или трое наших. Начинаешь завтра в четыре.

Приступив к работе, Уинстон и впрямь оказался «на пути», но не в том смысле, на который надеялся Деметриус. Обязанности у него были простые: с четырех дня до десяти вечера, пять дней в неделю, открывать дверь и с угрожающим видом орать: «Гони бабки, тварь!» – особо упрямым клиентам. Но Уинстону на нервы действовала сама поездка в Бруклин. Проснулись детские травмы, и вся крутизна улетучилась.

Вместо того чтобы, вальяжно развалиясь, каждые пять минут пересчитывать деньги, Уинстон носился по притону, наступая людям на ноги, опрокидывая все, к чему прикасался, и без умолку болтая. Он пытался разрядить мрачную атмосферу преступного логова оглушительно глупыми анекдотами. *Вы в курсе, почему шотландцы носят килты?* После особенно беспомощных шуток... *Потому что овца услышит звук растягиваемой ширинки за сотню футов...* В наступившей тишине слышался металлический шелчок. Это Деметриус снимал пистолет с предохранителя.

К тому же Уинстон не знал всевозможные правила и неписанные законы бруклинской наркоторговли.

Крышки какого цвета соответствуют пластиковым ампулам нужного объема? Считать ли переносной телевизор подходящим платежным средством? Он не мог отличить один секретный посвист своих товарищей от другого. Деметриус часто орал:

– Не смей спускать товар в толчок, дубина! Это же брачный клич рубинового королька!

К Деметриусу присоединился Чилли Моуст, и начиналось едкое вербальное бичевание:

– В отличие от нашего секретного сигнала...

– Песни жаворонка в полете...

– Нежное «у-дукка-дукка-у»...

– Старый добрый *Alauda arvensis*, исходный ареал – Евразия, но получил распространение на северо-западных территориях Канады, если не ошибаюсь.

– Не ошибаешься, ты, бля, без балды ниггер-орнитолог.

Последний раз Уинстон услышал этот драгоценный позывной перед тем, как открыл дверь и два каких-то незнакомых ниггера отпихнули его, размахивая пистолетами, не соизволили как следует представиться и объявили о своем приходе, вогнав пулю в свежесвыбритую башку Чилли Моуста. И сделал то, что, как предрекали его коллеги, с ним обязательно должно было произойти при виде направленного на него ствола: упал в обморок, «как сучка».

Через три минуты после возвращения в себя Уинстон все еще не мог убраться из квартиры. Что-то его держало. Словно астронавт, связанный фалом с кораблем, дрейфующим в бруклинском эфире, он пытался подобраться к двери, но малейший шум в коридоре или далекие отзвуки сирены отбрасывали его обратно в гостиную. Он начал бормотать под нос:

– Это как в той киношке, испанской, с прибабахом, где богачи не могут выйти из дома. Луи Бустело или типа того. Как это... сюрреализм. Так вот, у меня, видать, приступы сюрреализма.

Приступ красноречия был прерван скрипом половицы за спиной. Уинстон развернулся на месте, сжимая трясущиеся кулаки.

– Кто тут?

– Кто тут? – раздалось в ответ.

Уинстон расслабился.

– Чува-ак, – улыбнулся он и плюхнулся на диван.

В гостиную, опираясь на отставленные вбок костыли, проковылял Фарик Коул. Друзья прозвали Фарика «Плюхом», потому что его нос, губы и лоб располагались в одной евклидовой плоскости. В профиль лицо мало чем отличалось от картонной коробки. Как пружина-слинки, поочередно сжимаясь и разжимаясь, с каждым полусудорожным, развинченным рывком тело Фарика приближалось к Уинстону. Вокруг шеи, словно своеобразные ювелирные спутники, по эллиптическим орбитам обращались две подвески: символ доллара из чистого золота и инкрустированный бриллиантами египетский анх. Фарик остановился у дверного проема и подозрительно уставился на Уинстона.

– С кем ты болтал?

– Да ни с кем, просто пытался понять, почему я еще тут.

– Ты еще тут, потому что не мог уйти без меня, твоего так называемого кореша.

– Ты кореш, точняк, но я только минут десять, как пришел на работу, и знать не знал, что ты в квартире. Не, здесь что-то еще.

Фарик был самым крутым из множества крутых инвалидов Восточного Гарлема. Он был одет, как гетто-щеголь, функционально и физически полноценный ассимиляционист. Фарик давно уже не носил велосипедный шлем, несмотря на роднички, оставленные не до конца сросшимися костями черепа. Козырек укрепленной стеклопластиком бейсболки прикрывал шрамы

от операции над левым глазом. Мешковатые вельветовые штаны скрывали ортопедические скобы на ногах.

На его скрюченных стопах красовалась пара дорогих кроссовок, хотя Фарик в жизни не пробежал ни шага. Во рту сверкала целая ювелирная экспозиция: на передних резцах, верхних и нижних, в шахматном порядке сидели золотые и серебряные фиксы. Два передних зуба украсили портреты черного короля и королевы с микроскопическими надписями «Фарик» и «Надин».

– Погляди на этих гандил без гроша в кармане. Кто позаботится об их семьях? – сказал Фарик, указывая костылем с резиновой пяткой на кровавую сцену. – Поэтому я, как ублюдок чуть более дальновидный, завел личный пенсионный счет, вложил в краткосрочные вексели казначейства, инвестировал в пакет долгосрочных корпоративных бондов и высокорисковые зарубежные акции. Бля, на дворе двадцать первый век, портфель надо диверсифицировать – никогда не знаешь, когда придет тот самый черный день. А этому гандиле, судя по всему, свет вырубили капитально.

Уинстон и Фарик познакомились еще в те стародавние времена, когда проезд в метро стоил семьдесят пять центов. Фарик оказался предприимчивым комбинатором, а Уинстон в его махинациях выступал как живая сила. Началось все еще в пятом классе, с операции по воровству собак, настолько масштабной, что под вольтеры были задействованы все голубятни на крышах домов вдоль 109-й стрит, от Парк-авеню до Второй авеню.

Замысел состоял в том, чтобы болтаться по паркам и улицам Манхэттена и свистом, а также добросердечным «Сюда, дружок!» и кусками копченой говяжьей колбасы заманивать в кусты собак без поводков. Несчастливым скулящим существам, привязанным к парковочным счетчикам, пока их хозяева чесали языки за чашкой капучино, свободу даровали садовые ножницы. Потом парни ждали объявления о пропаже собаки и являлись за наградой.

– Да, мадам, ваша собака разгуливала по улицам Гарлема. Какие-то наркологи запихнули ей в пасть яблоко и пытались насадить на вертел, говорили о «фирменном хот-доге». Но мы подоспели, спасли и привели к вам. Достаточно ли пятидесяти долларов? Если честно, нет.

Уинстон подскочил к Фарику и обхватил его пухлой рукой, по-дружески придушив. Фарик аж глаза выпучил от боли.

– Э, Борз, что за хуйня! Уж ты-то должен понимать?

– Прости, чувак, я просто рад, что ты жив и все такое. Все никак не запомню, что тебя накрыло – рахит или расщепление позвоночника?

– И то и другое, придурок. Но сейчас у меня просто тело болит от лежания в ванне. Я, как услышал первый выстрел, подобрал штаны, завалился в ванну и задернул занавеску. Слава богу, этим ниггерам не захотелось по-маленькому.

– Нам надо выбираться. В любую минуту могут завалиться менты.

– Слушай, если копы до сих пор не прискакали, то и не собираются.

– Ну, мало ли, вдруг те ковбои с пушками решат вернуться и меня прикончить – зачем им оставлять свидетелей?

– Да ладно, они уже поржали, пока ты лежал в отрубе, когда пришили этих клоунов. Вряд ли они опасаются, что обморочный жирдяй встанет на тропу мести. Я вообще думал, что мне придется тебя водой очухивать. Влепить пару пощечин, в духе Джеймса Кэгни.

– Я не упал в обморок, я, как опоссум, типа притворился.

– Ну да, щаз. Давай, делаем ноги.

– А ты чего, уже типа вождь?

– Пшолнах, Тонто. Нно, Сильвер, вперед, ниггер.

– Робин.

– Бэтгерл.

– Эл Каулингс.

– Это уже ниже пояса.

Они вышли из квартиры, прикрывая бравадой свой страх. В коридорах, обычно полных детей и телевизионных воплей, было тихо. Беженцы забились в свои урбанистически-реновационные берлоги в ожидании ухода оккупационных войск. Маленькая девочка с бубенчиком на шее выглянула в коридор, показала Уинстону и Фарику язык, и ее тут же втянули обратно, даже колокольчик не успел звякнуть. Лифты в здании никогда не работали, поэтому Уинстон нес Фарику на руках все двенадцать этажей. Он осторожно поставил друга на ноги у выдавших виды почтовых ящиков и, поправив ему воротник рубашки, щелкнул пальцами:

– Побудь здесь. Я вспомнил, почему не могу уйти, – кое-что забыл. Сейчас вернусь.

И, прежде чем Фарик успел пикнуть: «Не, чувак, не оставляй меня тут», Уинстон уже бежал по лестнице, перескакивая через две-три ступеньки.

В одиночестве Фарику было тревожно, но его обрадовало, что к Уинстону вернулась знаменитая прыть. *А то мямлит чего-то, корчит из себя комика. Сам с собой говорит. Не, я знаю, что парень не любит Бруклин, но, блядь, обморок? Что, в первый раз на него пушку наставляли? Обычно Борзый орал: «Ну, стреляй, мудило!» Упасть в обморок перед лицом неминуемой смерти хорошо одним: не приходится умолять о пощаде. А вот это уже старый добрый Борзый, который бежит по ступенькам, словно большой аляскинский гризли.*

Фарик улыбнулся, вспоминая, как во время долгих летних игр только самые быстрые дети Восточной 109-й стрит умудрялись убежать от Борзого, чтобы он не осалил их своей уже тогда тяжелой лапой. У Фарику сразу занули ноги. Он вспомнил, как волочил их, обутые в тяжелые ортопедические ботинки, пытаясь бежать по потрескавшемуся бетону тротуаров. Однажды Фарик водил все лето: не в силах никого догнать, ковылял за вопящими толпами детей на костылях, ощущая себя местным прокаженным. В первый день нового учебного года – они пошли в пятый класс – Фарику ничего не оставалось, кроме как в полседьмого утра позвонить в дверь Шарифа Мидлтона и осалить несчастного костылем в пузо, не дав ему толком продрать глаза. *Борзый, братан, где ты?*

Уинстон вошел в квартиру, переступил через труп и взял из холодильника коричневый бумажный пакет. Запустив руку внутрь, Уинстон вынул из него холодный, размокший сэндвич с ветчиной и сыром в полиэтиленовом кульке. Сэндвич умял в один присест, а кулек вывернул наизнанку, подошел к аквариуму и вытряхнул в воду крошки. Рыбка поднялась к поверхности, и Уинстон быстрым движением подцепил ее ладонью, едва замочив пальцы. Уже набрав воды и завязывая пакет, Уинстон услышал звон. В углу гостиной скорчилась девочка из коридора. В подоле у нее лежало три пухлых бумажника, какие-то украшения и пистолет Деметриуса – «рейвен» двадцать второго калибра. Уинстон рассвирепел.

– Ты ж мелкая стерва, тела еще не остыли, а ты уже по карманам шаришь!

– Что упало, то пропало.

– Черт, все такие крутые, мама дорогая! Давай сюда пушку.

Девочка насупилась и еще сильнее вжалась в угол, высунув язык. Уинстон подошел к ней, забрал оружие, взял за локоть и поднял на ноги.

– Брысь домой.

Девочка поскакала по коридору к своей квартире, открылась дверь, и тощая рука втянула ее внутрь за подол платья. Дверь тут же захлопнулась. Уинстон подождал, пока щелкнет замок, запахнул пистолет за пояс, осторожно опустил кулек с рыбкой в бумажный пакет и вышел на лестницу.

– Где тебя носило? – нервно шептал Фарик. – Там кто-то есть.

– Сказал же, забыл кое-что, – ответил Уинстон, демонстрируя пакет.

– Завтрак? Не, ну это надо?! Тут перебили...

– Ш-ш-ш... Завянь, мучачо.

Уинстон заглянул за угол. В холле охранник за своим столом заполнял журнал посещений выдуманными именами. В здание могли заявиться разлагающиеся зомби Аль Капоне, Кинг-Конга и Мао, размахивающие автоматами Томпсона, скупающие по Фей Рей или пропагандирующие Культурную революцию, и привратник, работающий за минимальную ставку, пропустил бы их всех, не задавая вопросов.

– Никого там нет, кроме копа на час, – сейчас узнаем, что за дела.

Уинстон, не выходя в холл, окликнул охранника.

– Эгей, страж врат, тут не проходила пара ниггеров с военными мемуарами?

– Были такие, прошли пару минут назад, говорили, что теперь им нужно найти и пришить какого-то калеку. Спросили, хочу ли я пощупать их пушки. Я пощупал. Горячие, как бровь проповедника воскресным утром.

Фарик согнулся, костыли выскочили из-под мышек. Когда он выпрямился, его язва желудка заурчала, как активный вулкан, а в трусы натекла порция теплого комковатого дерьма.

– Бля.

– Куда они пошли? – спросил Уинстон.

– Никуда.

– Чего?

– Здесь они, у подъезда, смолят сигары и болтают с девками.

Фарик закрыл пожелтевшие глаза, и все его недуги включились одновременно. Аритмичное сердце забилося еще хаотичнее, качая серповидноклеточную кровь с толчками и перебоями. Прислонившись к створкам сломанного лифта, он мысленно обругал собственную мамашу, которая во время беременности пила, курила и забила на врачей. С трудом сглотнув слюну, Фарик панически жал на кнопку «вверх», проклиная отца, решившего, что младенец, родившийся на два месяца раньше срока, «вполне готов». *Не нужен парню никакой инкубатор. Он же не цыпленок.*

Уинстон посмотрел на то, как колотило друга, пожевал нижнюю губу и вдруг метнулся мимо поста охраны к пожарному выходу. Нажал на рукоять, распахнул тяжелую дверь и почувствовал на своем потном лице прохладное дуновение зефира. Затем поспешил обратно к Фарикку, одним движением закинул его на плечо и бегом направился к главному входу. Уинстон задержался в дверях, чтобы убедиться, что вооруженные типы побежали вокруг здания к пожарному выходу. Потом понесся по Бушуик-авеню, перепрыгивая через кусты и огибая чахлые бруклинские деревья, как когда-то детей, пытавшихся его осалить. Фарик возлежал на его плече, будто раненый боевой товарищ. Хлопки пистолета по бедру, звон мелочи в кармане, скрип шарниров, скреплявших тело Фарика, чтобы оно не развалилось на части, – вся эта какофония казалась Уинстону музыкальным сопровождением к финальной сцене хичкокковского триллера. На мгновение он даже оглянулся, почти ожидая увидеть за спиной пикирующий аэроплан.

На перекрестке Бушуик и Миртл какой-то одинокий пьянчуга собрал целую кавалькаду нетерпеливо сигналивших автобусов. Как колонна танков на площади Тяньаньмэнь, автобусы пытались объехать алкаша, но тот пресекал все поползновения, смело замахиваясь на транспортные средства сильно потертой спортивной курткой. Уинстон, которому приходилось бегать по всяким мелким поручениям наркобоссов, знал, что примерно в это время этот алкаш обычно ловит своих розовых слонов. Он рассчитывал встретить его здесь, бросающего вызов властям предрежающим бессвязной белибердой:

– Я черный, дождь идет. Комиссия Уоррена, полагаю. Берегись!

Уинстон и Фарик пролетели мимо – *всем немедленно вернуться на позиции!* – забрались в третий по счету автобус и прошли в самый конец. Они сгорбились на пластиковых сиденьях, тяжело дыша, и молились, чтобы автобус быстрее поехал. Фарик сипел, хватая воздух. Он выловил ингалятор в кармане куртки и дважды глубоко затянулся.

– Бля, ты зачем это сделал? Ты бы хоть сказал мне, предупредил, что собираешься рвануть, я и сам бы за тобой успел.

– Ха! – хрюкнул Уинстон.

Фарик попытался заехать Уинстону костылем, но тот застрял под передним сиденьем.

– Не, я серьезно. Это унижительно. Я могу о себе позаботиться, понял, Борзый?

– Ой, не выпендривайся, бро. Мне пришлось спасти твою задницу, как в «Охотнике на оленей». Если бы не я, ты б теперь в бамбуковой хижине играл в русскую рулетку с бруклинским Вьетконгом. «Диди, мау! Мау!»

Уинстон принялся, проверил подошвы своих кроссовок.

– Это ты пернул?

Фарик ничего не ответил, вода языком по внутренней стороне щеки. Для большинства молодых парней этот жест означал бы оральный секс; для Фарика это был кодовый знак «У меня случился конфуз». Уинстон запустил руку под сиденье и высвободил костыль.

Автобус выкатился на Бродвей, посигналил на выезде из Бедфорд-Стайвесанта в пределы более космополитичного Уильямсбурга.

Постепенно многоэтажные трущобы остались позади, и беглецы смогли выпрямиться в креслах и выглянуть наружу через грязные окна. Люди на забитых тротуарах казались усталыми и расстроенными, отвоевывали себе пространство на пути с работы домой. Белокожая богема прошивала толпу зигзагами, опустив головы, злая, что не может позволить себе квартиру на Манхэттене. Пара евреев-хасидов в черных щегольских сюртуках, словно денди, несли в руках «дипломаты» и обсуждали вчерашнюю игру «Никс». Единственные, в ком Уинстон мог распознать конкретных людей, были пуэрториканцы. Для него все белые, евреи и гои, сливались в один физиогномический шаблон. Тонкие, поджатые губы, бесчувственные лица, они маршируют, как солдаты, в ногу, прижав локти к бокам. В пуэрториканцах он видел что-то если не родное, то знакомое. Они жили в тех же гетто – более-менее; такие же ниггеры – более-менее; такие же бедные – более-менее. Пуэрториканцу хотелось сказать: «Привет!» Он так и сделал – беззвучно спросил: «*Как дела?*» — у женщины в зеленом нейлоновом свитере. *Да, ты, красавица, с сумкой для покупок. Куда ты так торопишься? Спешить домой, помочь детям с домашним заданием? Дело... Столица Канзаса – Топика, это все, что я запомнил.*

Уинстон смотрел в бегающие глаза цветных парней, тех, кто, как плющ, проклюнулся и вырос вдоль рыночных стен. Он мог сразу отличить послушных «чтобы-домой-к-одинадцати» маменькиных сынков от таких, кто ходит по тонкой линии между бунтом и святостью. Некоторые, как тот парень, на вид ровесник Уинстона, что намеренно шел навстречу людскому потоку, сдались улице. Уинстон знал подобных: воин без войска, всегда в поиске ристалища для проверки своей силы. Он ухмыльнулся и бросил парню безмолвный вызов:

– Повезло тебе, что меня там нет. А то столкнулись бы и помяли друг друга. Запасайся вазелином, чувак.

И, чуть громче:

– Слабак.

Уинстон прижался спиной к нагретой двигателем спинке кресла. Вибрация мотора передавалась на кресло, и он на секунду расслабился, наслаждаясь бесплатным массажем. Фарик знал эту довольную полуулыбку; обычно она появлялась, когда Уинстон кого-то отдубасил.

– Борзый?

– М-м-м?

– Ты там реально в обморок рухнул, да?

– Боевая усталость, наверное. Зато выжил. Может, это рука Господня меня коснулась. Может, у меня другое предназначение. – Уинстон рассмеялся. – Давай, Плюх, скажи что веселое.

Фарик побарабанил пальцами по щеке.

– Помнишь петушка, которого ты на прошлой неделе отлупил перед «Ковбойским баром»?

– Да, он еще размахивал офисным ножиком, «ан гард, твари», типа он что-то мог им сделать.

– Я слышал, что он решил записаться в армию, чтобы не быть посмешищем всего района. Все перепробовал – флот, морпехов, береговую охрану, – ни хера. Психотест не прошел. Ты ему вроде синяка на мозг поставил. Каждые две минуты он без всякой причины орет «Ла Мега!», как диджей на «Радио Латино». Представь, принимает он присягу, такой «Я клянусь соблюдать Ла Мега!». Да, сэр, меня очень интересуют авиация и *Ла Мега Новента и съете пунто нуэве*. Чувак превратился в ходячую радиорекламу.

Уинстон улыбнулся.

– Так давай звать его Ламегой, идет?

– Идет.

Борзый вытянул из кармана мятый бумажный пакет и предложил его Фариду.

– Есть будешь?

– А что там?

– Шкварки и рыбка.

– Слушай, ты так ешь, что лучше б уж тебя подстрелили. Сколько ты сейчас весишь?

– Не знаю, сто сорок – сто сорок пять кило. Я давно уже не был на мясокомбинате на Эджкомб-авеню. Я там на весах взвешиваюсь. В любом случае, это обезжиренные шкварки.

Фарик всплеснул руками.

– Идиот! Шкварки – это куски свиного сала, зажаренные в свином жире. Как они могут быть обезжиренными, если они стопроцентный жир? Тупые ниггеры вроде тебя – главный источник заработка белых.

Уинстон пожал плечами и вынул из кармана небольшую пластиковую емкость с голубоватым кисельным содержимым.

– И ты еще пьешь «Жаждой». Сколько раз я тебе говорил: его выпускает ку-клукс-клан. Эта дрянь сделает тебя бесплодным. Думаешь, они просто так продают ее по двадцать пять центов за штуку? Эту отраву субсидирует ЦРУ. Ты видел, чтобы «Жаждой» продавали в белых районах? Ни в жизнь. А чего, белые не охочи до дешевки?

В словах Фарика была своя правда. Когда Уинстон забредал в районы побогаче – посмотреть кино или купить одежду без логотипов (в Гарлеме такого не найдешь) – и пытался купить «Жаждой», его любимый напиток словно испарялся. В магазинах, набитых всяческими колами и нектарами, с полками, на которых можно было найти минеральную воду из всех озер Европы, про «Жаждой» даже не слышали. Однажды Уинстон попросил грейпфрутовый или ананасовый, так продавец уставился на него, как на марсианина. В итоге Уинстон вышел из магазина с бутылкой талой ледниковой воды за два бакса и долго вертел ее в руках, пытаясь разглядеть внутри мамонтовую шерсть.

Уинстон в два глотка опустошил свой «Жаждой», медленно отнял бутылку от губ и с наслаждением рыгнул.

– Бля, Фарик, ты прав, у меня сперма пузырится.

– Пошел ты...

Уинстон одной рукой смял пустую емкость и швырнул в проход между креслами. Автобус выехал на Бродвей.

– Я тут придумал, как сделать кое-какие бабки. Ты в деле, Борз?

– Не знаю.

– С наркотой все как-то тухло. Возни много. Нужно набирать базу постоянных клиентов, логистика – кошмар, один канал идет как LIFO, другой как FIFO. Приходится иметь дело со

свихнувшимися неорганизованными ублюдками. Нам нужно что-то компактное, автономное. Чтобы быстро все проверить и смыться.

– Какое фифо, какое лифо? Ты что несешь?

– Это аббревиатуры. Первым вошел, первым вышел, последним вошел, первым вышел. Не отвлекайся, я говорю о революции в наркобизнесе. О разработке продукта, на который подсаживаешься, если просто посмотрел на него дольше двух секунд. Что-то, что вообще не выводится, вроде РСР, плюс, может, добавить в следовых количествах прозак для повышения привлекательности бренда для белой аудитории побогаче. Вуаля – наркота, от которой балдеешь до конца жизни.

Фарик легонько дотронулся до Уинстоновой руки, как продавец подержанных машин, предлагающий сделку тысячелетия.

– Однократная, свихивающая мозги золотая жила. Я называю ее «Вечная нега». Бесконечная жвачка усталого нарколегии. Я буду для них, как Вилли Вонка во всей этой хуйне, говорю тебе.

Уинстон оттолкнул Фарика.

– Ты бредишь.

Ничуть не обескураженный, Фарик продолжил, заходясь в рекламном раже:

– Борз, только подумай об экономии для покупателя в долгосрочной перспективе!

Фарик продолжал вещать о прелестях своей маркетинговой стратегии, но Уинстон не слушал. Он смотрел, как приближается ступенчатая громада манхэттенских небоскребов, и временами забывался в полусне. Перед глазами у него, как слайды на школьном уроке, мелькали образы виденных когда-то мертвецов. Прикрыв глаза, он принялся считать, сколько мертвых тел видел за свои двадцать два года. Включая бабушку Фарика в похоронном бюро – шестнадцать.

На 109-й стрит и Пятой авеню, на границе Испанского и Черного Гарлемов, после особенно удачных выходных трупы появлялись на тротуарах, словно дождевые черви после летнего ливня. Иногда коронеры выносили окоченелых, как пенопласт, нариков из брошенных домов на 116-й стрит, или дети по дороге в школу обнаруживали замерзшего бездомного под кирпичной эстакадой на Парк-авеню.

Пару недель назад Уинстон пошел купить фруктового мороженого в пиццерии на углу 103-й и Лексингтон. Внезапно завизжали тормоза; он обернулся и увидел, как семилетняя Урсула Уэртас летит через Лексингтон-авеню, словно ею выстрелили из цирковой пушки. Потом Урсула лежала в канаве у бордюра неподвижным, изломанным комом черных волос и тощих смуглых конечностей. Девочка не кричала, за нее это делала мать и яркие фиолетовые цветы на ее выбеленном платье для воскресной школы. Уинстон положил палочку сандалового дерева в маленький картонный алтарь, сооруженный родственниками девочки на месте ее гибели. Такие святилища «вечной памяти» с горящими свечами, разнообразными китчевыми образами Девы Марии и других святых, которых Уинстон не знал, постоянно появляются по всему Испанскому Гарлему. Как правило, они исчезают недели через две.

Уинстон вдруг подумал, что нависающие громады небоскребов похожи на камни на могилах великанов. Ему остро захотелось домой. Ниггеры мрут повсюду, это не секрет, но ему хотелось вернуться туда, где даже у трагедии есть знакомое лицо. Потягивать пиво на углу, где он хотя бы слышал имена с граффити, которые тут вместо мемориальных досок. Видеть, как парни салютуют придорожным эпитафиям «Здесь был замочен такой-то». Скорбящие при деньгах нанимали местных уличных художников разрисовывать высокие заборы или глухие стены. Громадный портрет усопшего в сопровождении дорогих машин, выписанных неоновыми красками, и стилизованных подписей друзей. Такие мемориалы никогда не создавали в память местных женщин. Уинстон всегда жалел, что не умеет рисовать. Он бы написал трехэтажную фреску, посвященную своей старшей сестре Бренде.

Уинстону было тогда двенадцать. Он услышал, как Фарик зовет его с улицы:

– Чувак, тебе стоит подойти, там, на Семнадцатой, плохо дело с Брендой.

Уинстон подбежал как раз к отъезду «скорой». Рядом стояла телефонная будка, из которой благодаря демонополизации он мог позвонить в любой конец США и говорить тридцать секунд за четвертак. Уинстон набрал рабочий номер матери:

– Можете позвать миссис Фошей? Мам, приезжай в больницу Метрополитен. Встретимся в реанимации.

Уинстон вынул из кармана перманентный маркер и рассеянно нарисовал свой тег на потертой автобусной обивке: «БОРЗЫЙ 109». Он придумал его еще в начальной школе.

– Ну чего, ты в деле? – спросил Фарик, пихая Уинстона локтем. – Просто горы бабок, тюками грузить будем.

– Ничего не выйдет.

– Это еще, блядь, почему?

– Потому что наркоману тоже нужна причина, чтобы вставать утром с постели, и эта причина – крэк, героин или на чем он там торчит. Для него присосаться к этой трубке, как влюбиться – может, даже лучше. Можешь себе представить, каково это: проснуться утром со знанием, что как только ты наскребешь десятку баксов, то найдешь любовь всей жизни? Чтобы это делать, ты не можешь быть влюблен с утра. Тебе надо проснуться в холодной комнате, злomu оттого, что ты спал на скомканной подушке или вовсе без подушки, с сознанием, что мир тебя ненавидит и ты ненавидишь весь мир. А потом ты можешь заценить кайф. Тебе захочется, чтобы кайф был долгим, но не бесконечным, нет.

Фарик стукнул друга кулаком в плечо.

– Ты, судя по всему, знаешь, о чем говоришь.

Уинстон думал, стоит ли признаться, что однажды, на пятую годовщину смерти сестры, он экспериментировал с крэком и ему так снесло крышу, что он четыре дня просидел в стенном шкафу. словно ювелир-наркоман, он брал пинцетом крошащиеся кристаллы, подносил к глазам, разглядывая каждую светлую мраморную прожилку на коричневатых гранях. Когда кокаин кончился, Уинстон объявил безупречными хлебные крошки и комки свалявшегося в карманах пуха и заправил ими свою трубку. На четвертый день он обнаружил, что мастурбирует при помощи вазелина и картонных гильз от бумажных полотенец, и прекратил наконец это извращение хотя бы из сексуального стыда. Но каждый раз, как Уинстон слышал фразу «Хочу грохнуть прямо сейчас» из классического хип-хоп-трека Роба Бейса «Тут нужны двое», у него пересыхало в горле. Он отвернулся от Фарика и вытер бровь.

– Ничего я не знаю, так, слышал разное.

Фарик подумал секунду и выдал:

– Может, «Вечной неге» нужен какой-то механизм длительного действия? Типа как у сиропа от простуды.

Уинстон тяжело вздохнул, и тут автобус остановился.

– Бродвей-стейшн, конечная.

Оттуда им предстояло доехать по коричневой линии через мост до Канал-стрит, потом перейти по поросшим водорослями тоннелям на родную ветку. Войдя в вагон, Фарик навис над каким-то дядькой, сидевшим рядом с дверьми.

– Мудила, читать не умеешь? – заорал он, тыча в наклейку, гласившую, что это место предназначалось для инвалидов и пожилых.

Дядька смущенно вскочил и вежливо уступил Фарика место. Уинстон засмеялся, а стоявший рядом с ним мужчина в твидовом пиджаке незаметно проверил свой карман – на месте ли бумажник. Уинстон глубоко вздохнул и, чтобы удержаться и не врезаться по башке, схватил мужчину за руку, вдавливая ремешок часов глубоко в кожу.

– У меня сегодня был длинный день, полный преступных деяний. От еще одного криминального деяния мне хуже не будет. Уровень преступности падает, но он не нулевой.

Тип вышел на следующей остановке. Женщина через два сиденья от них повернула брошку внутрь блузки и повернула обручальное кольцо так, чтобы сверкание бриллиантов утонуло в темноте ее ладони.

– Едем домой, йоу!

– Больше никаких бруклинских ниггеров-Рэмбо в камуфляжных штанах.

– Точняк. На хер Бруклин!

– Спайк Ли, Джеки Робинсон, Барбра Стрейзанд, Вуди Аллен, Мэри Тайлер, сука, Мур могут поцеловать мой черный манхэттенский зад!

Уинстон закинул в рот последнюю жвачку, развернул лежавший в упаковке комикс, как обычно, несмешной, и прочел бумажку с предсказанием: «Не копите обиды, они могут испортить вам жизнь».

Не впечатленный, Уинстон надувал пузыри, пока двери подземки не открылись на 116-й стрит.

2. Paquetes de seis de bud

Словно сурки, выползающие из нор с приходом ночной прохлады, парочка покинула станцию метро и застыла неподвижно, обозревая Испанский Гарлем, только приходивший в себя после предсмеречной сиесты. У входа в прачечную чинно играли в домино четыре пенсионера в майках. Откуда-то с верхних этажей на них обрушилась энергичная сальса. Уинстон, пробудившийся от дремы, с удовольствием окунулся в водопад латинских ритмов, дробных шагов и виляющих бедер. А текст! No tengo miedo, tengo bravura, tú y yo, tenemos amor pura¹. Уинстон вернулся в свой квартал.

– Это Эктор Лаво.

– У тебя все испанские певцы Экторы Лаво. Ты больше никого не знаешь. С тем же успехом это может быть какой-нибудь Марко Мантека.

– Слушай, сменил бы ты подштанники, а? Воняет.

Фарик достал чистые трусы и зашел в туалет забегаловки «Канзас Фрайд Чикен». Уинстон направился в магазин.

– Dos paquetes de seis de Bud, por favor², – и переключился в ночной режим, накинув на голову капюшон толстовки.

Когда Фарик привел себя в порядок, они направились на восток, к Третьей авеню. Фарик дико завидовал Уинстону, который мог идти и пить одновременно, тогда как ему приходилось ждать, пока они дойдут до места, прежде чем он сможет глотнуть пивка. Уинстон остановился и приставил банку к губам друга. Тот сделал два глотка.

– Спаситель!

– Нравится?

– Заебись.

Уинстон вытер пену с губ Фарика. Он подумывал рассказать о пистолете, но решил, что не стоит. Как только люди узнают, что у тебя есть пушка, начинается, как с машиной: все просят одолжить, ожидают, что ты сделаешь их жизнь легче. Уинстон ткнул пальцем в сторону их обычного питейного места, у пустого бассейна в Джефферсон-парк. Они любили сидеть на бортике, болтать ногами над пустотой и вспоминать времена, когда по очереди щупали Генриетту Роблес в мелком конце бассейна. Даже Фарик, рискуя заржавить шарниры на своих скобках, лазал в воду ради нескольких прикосновений вслепую.

Четыре, может, пять банок, прикинул Уинстон – и Фарик согласится одолжить денег, чтобы он смог дотянуть до конца месяца.

На бедре что-то зажужжало, и Уинстон уставился на пейджер, перебирая номера. По его мрачному выражению Фарик догадался, от кого сообщение. *Ниггер, а ну быстро домой, теперь ты отец.*

– М-м-м...

Уинстон швырнул пустую банку и вытянул из пластикового кольца новую. Мысли снова вернулись к тому воскресенью на Кони-Айленде, как он шел от «Адской норы», плача и проклиная родных. Как отец утешал его обещаниями, которых не сдержал. С того дня он больше никогда не плакал и никогда не держался за руку отца.

– А помнишь, как Рэймонд Варгас сиганул с этой штуки и поломал себе челюсть о край доски? – Уинстон ткнул рукой с полупустой банкой в сторону трамплина.

– Да, он все рассказывал, как будет олимпийским прыгуном в воду. Встал на пальцы на самом краю и толкнул речь о «прыжке «доминиканский побег из гетто» из задней стойки

¹ Я не боюсь, я полон отваги, ты и я, наша любовь чиста (исп.).

² Две банки «Бада», пожалуйста (исп.).

вперед в полтора оборота со слезами на первом месте пьедестала во время гимна». Уровень сложности: белые уверены, что ниггеры не умеют плавать. А потом – бац! – и он валяется на дне бассейна без сознания и без зубов. Ты, по-моему, его оттуда и вытащил.

– Ага. А через месяц снова сломал ему челюсть. Реймонд выдал, что я, мол, когда плаваю, похож на черное пятно от нефтяного разлива.

С видимым усилием Фарик поднялся на ноги, прикончил пиво и, как гольфист, ударом костыля послал жестянку в дальний конец бассейна. Банка приземлилась в полуметре от сливной решетки, и Фарик прошептал в манере спортивного комментатора:

– Теперь Фарику Коулу остается лишь один точный удар до победы.

– Сядь, ты меня нервируешь.

Фарик сел.

– Борз?

– Чего?

– Гольф – это игра или спорт?

– Вот ты неугомонный! Ты когда-нибудь молчишь? Остановись, остынь. Посмотри на звезды... В общем, если ты можешь профессионально играть с часами на руке – как в гольфе, теннисе, боулинге, – это игра или хобби, не спорт.

– Я просто хотел сказать, ты мне сегодня помог. Спасибо, типа.

Уинстон ответил смущенным кивком. Он решил последовать собственному совету и прилег на край бассейна. В городском небе светилось от силы два десятка звезд. Уинстон водрузил банку пива на живот и, используя ее как секстант, наметил через черное море курс на внетелесное бегство от безумия.

Высота десять метров. Я парю рядом с женщиной средних лет в тонкой белой ночнушке. Она подложила под локти банное полотенце и смотрит на квартал из окна третьего этажа, словно городская неясность.

Десять тысяч метров. Я еду на двухместном велосипеде вместе с Инопланетянином. Я на заднем сиденье, Инопланетянин ведет велосипед сквозь облака, похожие на клубы табачного дыма. Я кричу ему: «Крути педали, а то эти противные белые детишки нас настигают!»

Миллион метров. Поверхность Земли выглядит так, словно ее отшлифовали шкуркой для дерева. Гималаи той же высоты, что Индийский океан и Большой каньон. Вся планета будто покрыта лаком из солнечного света.

Миллиард метров. Я на Луне. Я завожу без ключа лунные вездеходы и с ветерком долетаю от Моря Спокойствия до Залива Радуг.

Десять миллионов километров. Отсюда Земля видится как одна из множества дырочек на побитом молью занавесе межзвездного театра. Когда начало спектакля?

Сто миллионов километров. У меня начинается аллергия на космическую пыль в Поясе астероидов, я чихаю. Спустя пятьдесят лет в пустыне упадет метеорит со следами соплей, и ученые придут в восторг.

Миллиард километров. Наклоненное кольцо вокруг Сатурна – на самом деле полы войлочной шляпы на газовой голове сутенера Солнечной системы. Пора этим сучкам Венере и Каллисто принести мои денежки.

Десять миллиардов километров. Солнце с такого расстояния светит, как огонек спички за два футбольных поля. Холодно, черт побери.

Сто миллиардов километров. Отпустил бумбокс в свободный полет, пускай ловит статику. Мы с созвездиями слушаем позывные из 1937 года. *Добрый вечер, Восточное побережье, а Западному побережью доброго утра. В этой программе вы услышите сверхсовременные ритмы из бального зала в нью-йоркском «Савое», известного как «Дом счастливых ножек». Сегодня Каунт Бейси со своим оркестром представляют вам Билли Холлидей с песней «Они не могут отобрать это у меня».* Созвездия пляшут джиттербаг, включаясь в танцевальный

марафон, который идет с начала времен. Кассиопея вертится вокруг бедер Ориона, Андромеда скользит меж моих ног.

Триллион километров. Цвет исчезает. Все вокруг черно-белое. Мое сознание одного размера с Вселенной. Мой отец в центре внимания в космическом салоне, совещается с античными поэтами и напоминает: «Я же говорил тебе, все есть все».

Один световой год. Столько времени у папы ушло на отправку первого чека с алиментами.

Сто световых лет. Исчезает восприятие глубины. До всего во Вселенной, кажется, можно дотянуться рукой. С Вселенной надо обращаться бережно, как с самой древней виниловой пластинкой в коллекции. Я медленно вытягиваю ее из потертого картонного конверта. Держу Вселенную за края и дую на поцарапанную поверхность. Переворачиваю Вселенную, еще выдох – и пыль со второй стороны становится новой галактикой. Если бы можно было проиграть творение на вертушке, как бы оно звучало?

Тысяча световых лет. Я вижу души Деметриуса, Золтана и Чилли Моуста, которые пытаются найти Поля счастливой охоты.

– Где мы? На Альфе Центавра? Ниггер, нам нужна Альфа Лебеда! Дай сюда карту, мудило!

– Ну как, увидел свой рай?

Фарик прислонился к своим костылям, из которых соорудил на сетчатом заборе подобие распятия. Голени скрещены, руки раскинуты, банка пива в одной, сигарета в другой. Фарик завопил на весь пустой парк:

– Пива и рыбы всем! Кто меня предал? Иуда? Я так и знал – жадная тварь! Перед смертью я дам вам последний святой совет: никогда, никогда не позволяй чуваку целовать тебя на людях.

Расчихлив маркер, Уинстон вдавил предплечье в глотку Фарика и над его сморщенной бровью сделал надпись. Потом отступил на шаг, любуясь своим творением.

– Вот. Теперь ты Иисус.

Фарик капнул пива на руку и попытался оттереть чернила со лба.

– Ну ты чего? Что ты там написал?

– I-N-R-I³.

– Что это значит?

– Понятия не имею, но на всех картинах с распятым Христом это написано на кресте. Раста как-то сказал мне, что оно значит «Я Негр Рулю Исключительно».

Фарик прекратил тереть бровь.

– Исключительно? Что это должно значить?

– Понятия не имею. Думал, ты знаешь – звучит точь-в-точь как пятипроцентская⁴ муть. «Белый человек есть дьявол», как ты все время говоришь.

Фарик развернулся на кривых ногах и снял костыли с сетки. Он почти завершил маневр, но пошатнулся, запнулся и уронил их на землю. Прежде чем он успел их поднять, Уинстон схватил костыли и, хихикая, помахал ими перед носом приятеля:

– Напился?

– Брось эту херню, жирюга, я сам могу их подобрать.

– Жирюга?

Уинстон отбросил костыли метра на три от искривленных ног Фарика.

³ INRI (лат.) – аббревиатура фразы из Нового Завета Iesvs Nazarens Rex Ivdæorum, то есть «Иисус Назарянин, Царь Иудейский».

⁴ Пятипроцентники – радикальная афроамериканская секта, зародившаяся в Гарлеме.

– Фас, гад. Если Иисус Христос мог ходить по воде, фальшивый Иисус может хотя бы ходить на своих двоих.

Не раздумывая, Фарик отпустил забор и двинулся вперед. Ступни его загибались внутрь, носки кроссовок цеплялись друг за друга, тонкие ноги сходились в коленях, образуя букву Х. Волоча подошвы по земле, Фарик сделал три рискованных шага, остановился и выдохнул. Уинстон не сдержался:

– Зачем задерживаешь дыхание? Ты ж не под водой, дыши!

– Не смотри, как я хожу! – рявкнул Фарик. – Не люблю, когда кто-то смотрит, как я хожу.

– Ниггер, ты не ходишь. Ты на коньках катаешься, по ходу. И дрожишь так, словно сейчас землетрясение, которое ощущаешь ты один.

Дойдя до костылей, Фарик бросился на них, как на рассыпанные долларовые бумажки. Схватил и прижал к груди, чтобы не унес ветер.

– Сказал же, я могу ходить.

– Может, не стоит этим хвастаться, атлет? А то я с утра позвоню в соцслужбу, и у тебя отберут пенсию по инвалидности. Пошли еще пива возьмем.

Обратно в магазин они шли молча, слушая то, что в городе считается тихой ночью. Гудел и скрипел фонарь. По горам мусорных мешков скакали крысы. Порыв ветра швырнул им под ноги пеструю смесь макулатуры и пустых пакетов. К груди Уинстона прилипла листовка к предстоящим выборам. Там говорилось: «VOTA WILFREDO CIENFUEGOS, DEMOCRAT POR COUNCILMAN DISTRITO 8. SEPTIEMBRE 9TH. ¡PARE LA VIOLENCIA!»⁵ *Pare la violencia*, «Остановим насилие» – эта фраза до сегодняшнего бруклинского происшествия была для Уинстона частью экуменического белого шума, который он слышал и видел с начальных классов. Не кури. Просто скажи «нет». Безопасный секс. Будь отцом своему ребенку. Друзья не позволяют друзьям садиться пьяными за руль. *Pare la violencia*. Уинстон не имел ничего против совета мистера Сьенфуэгоса, просто ему он казался не слишком практичным.

«Как?» – думал он. Может ли страстный призыв политика сделать Уинстона пацифистом? Может ли Вильфредо Сьенфуэгос убедить бруклинских головорезов сложить оружие и дать калекке и увальню уйти прочь с деньгами Бед-Стая в карманах? Получить выгоду от рыночной экономики гетто? Уинстон обладал способностью останавливать насилие. Его появление на поле битвы часто приводило к тому, что оппоненты переставали дубасить друг друга, потому что не знали точно, на чьей он стороне. Борзый, районная супердержава, может вмешаться. Уинстон представил себя в деловом костюме, а свое лицо – на рекламном плакате. Но скоро видение растаяло. Плакат пожелтел и превратился в объявление о розыске преступника на Диком Западе. *Кандидат в Городской совет от Восьмого округа – Уинстон Фошей. Начнем насилие!* Уинстон бросил листовку, и ее унес ветер.

Хотя я был бы крутым политиком. Воздушный вихрь закрутил бумажку и швырнул обратно. Она прилипла к бедру Фошей, как домашняя кошка, напуганная дикими джунглями заднего двора. Уинстон сложил листовку и сунул ее в задний карман.

– Борз, их всех убили, всю обойму.

– Ага.

– А мы еще живы.

– Ага.

– Культурный шифр, братец. Изначальный черный человек проявляется как первобытная манифестация дихотомии Земля/Солнце...

– Не начинай.

– Якуб...

⁵ Голосуйте за Вильфредо Сьенфуэгоса, кандидата Демократической партии в Городской совет от Восьмого округа. 9 сентября. Остановим насилие! (исп.)

– Кроме шуток, не начинай...

Фарик оставил попытки посвятить Уинстона в секреты просветленных благих пяти процентов и переключил свой гиперактивный ум на перебор возможных значений аббревиатуры I-N-R-I. Исключить Необходимость Реанимации Индивида. Измените Настройки Резкости Изображения. Идолопоклонничество, Некрофилия, Религиозное Искушение. И Нахера Разбираться Ищо?

– Борз, зуб даю, I-N-R-I – это что-то по-латыни.

Голова Борзого в этот момент скрылась в окошке для ночной торговли, потому что владелец этой головы пытался общаться с продавцом через несколько сантиметров оргстекла. Если он и слышал Фарика, то не ответил.

Истинный Негр Разрушает Интоксикацию.

3. Борзый и Иоланда

Уинстон не представлял, насколько пьян, пока не добрался до квартиры и не попытался вставить ключ в замок. После нескольких неудачных попыток он применил способ, подсмотренный у соседа, который после каждой полочки возвращался домой на бровях. Уинстон прижал указательный палец левой руки к замочной скважине, а зажатый в правой руке ключ приставил к плечу и довел его до цели, используя левую руку как направляющую. Затем попытался как можно тише отпереть дверь, репетируя про себя оправдания перед Иоландой:

– Я был на хате у Пита, а у него, понимаешь, телефон отключили, так что я послал Торуса сказать Джамилле, чтобы передала Юсефу, чтобы сказал Лауре позвонить тебе. Но я не знал, что Юсеф получил судебный запрет для Джамиллы приближаться к нему, с тех пор как она подпалила его за шашни с Вандой. Да он все равно под домашним арестом и никак не мог связаться ни с Лаурой, ни вообще с кем-то.

Он медленно крался по темному коридору, пока яркий свет из спальни не пригвоздил его к стене, как беглого каторжника.

– Можешь не осторожничать, ребенок не спит.

– Ага.

Уинстон рванул мимо спальни в туалет.

– Ты даже на сына не взглянешь?

– А у него что, усы выросли? Я помню, как он выглядит.

Уинстон помочился без рук и вытянул из кармана пакетик для сэндвичей. Вода в нем была мутнее пивной мочи Уинстона. Рыбка забилась в угол и каждые две секунды открывала рот, словно хотела что-то сказать, но не могла вспомнить что. Нажав на смыв, Уинстон поболтал пакетом над водоворотом, размышляя, не избавиться ли ему от новой ответственности.

– Стульчак, – напомнила Иоланда.

– Опустил, – пробурчал он и перебрался на кухню.

За ним шлейфом тянулось долгое приглушенное «бля...». В кухне Уинстон снял с полки глубокую стеклянную миску для кассероли, наполнил водой из-под крана и выпустил туда золотую рыбку. Та сделала по своему новому дому круг благодарности. Уинстон щелкнул пальцем по стеклянной крышке, привлекая внимание рыбки.

– Тут безопасно?

Иоланда держала паузу, чтобы он мог перекусить на скорую руку. Это не отменяло ее обязательного выступления в роли языкатой Черной Мамаши, просто его откладывала.

Уинстон открыл холодильник и достал две большие пшеничные лепешки-тортильи и пачку маргарина. Спичкой зажег конфорку, поджарил тортильи до первых признаков обугливания, перекинул их на столешницу и густо смазал горячие круги маргарином. Вскоре он уже жевал сочащиеся жиром рулеты и пытался подобрать рыбе имя.

В кухню ворвался голос Иоланды, требующий беспрекословного подчинения, как Глас Божий, говоривший с Авраамом:

– Выключи газ, помой руки и принеси мне лимонада.

– Дастин, – сказал Уинстон рыбе. – Ты ж умудрился выжить, как Дастин Хоффман в «Марафонце».

Уинстон опустил палец в воду и принялся тыкать рыбку, всякий раз после тычка наклоняясь и шепотом спрашивая: «Тут безопасно?»

Иоланда сидела на краю смятой постели и кормила грудью их одиннадцатимесячного сына Брайса Экстраординаера Фошей, уменьшительно Джорди. Услышав, что папа вошел в комнату, Джорди с громким влажным чмоком выпустил сосок Иоланды. Между его подбородком и

вершиной материнской груди протянулась ниточка слюны. Джорди повернулся к отцу, ниточка лопнула и перекинулась на грудь. Уинстон глянул на радиочасы на прикроватной тумбочке; половина третьего ночи. Джорди радостно загулил, и мужчины обменялись щекастыми улыбками.

– Как дела, мелкий ниггер? – спросил Уинстон, целуя ребенка в лобик.

– Я тебе уже сказала. Где ты был... *большой* ниггер? – Уинстон покорно открыл рот, собираясь раскатать и надуть заготовленные объяснения, как спасательный трап реактивного лайнера... – Ой, лучше молчи, Борз.

Уинстон захлопнул рот и протянул стакан лимонада и кусок своей тортильи. Иоланда отмахнулась. Он присел рядом на кровать. У Иоланды было выражение лица полицейского, который остановил машину, держа руку на рукоятке пистолета, попросил водителя предъявить права и осведомился, сколько тот сегодня выпил. Уинстон быстро протрезвел и рассказал все как есть, осыпая жену и ребенка лепешечными крошками. Добираясь в повествовании до того или иного момента, он в качестве иллюстрации вытаскивал из кармана соответствующий предмет и бросал его на постель: сначала пистолет, потом пустой пакет из-под шварок, предсказание из упаковки жвачек и, наконец, толстую скрутку купюр, перетянутую резинкой. Закончив рассказ, Уинстон сжевал последний кусок тортильи, облизал пальцы и застыл в ожидании реакции. Иоланда внимательно изучила все улики, выискивая слабые места предложенной версии. Прочла предсказание, похихикала над комиксом:

– Джо Базука шикарен.

Она зарылась носом в пакет от шварок и вдохнула, проверяя их свежесть. Спрятав пакет за спину, гаркнула:

– Назови срок годности!

– Иоланда, ну что ты...

– Я тебя знаю, ты всегда проверяешь.

– 9 июня.

Иоланда сверилась с надписью на пакете и хмыкнула. Потом надула улику и громко лопнула ее о голову. Передав Джорди Уинстону, она взяла пистолет, мастерски извлекла патрон из патронника, нацелилась на свое отражение в настольном зеркале и, наконец, с ковбойским шиком прокрутила оружие вокруг пальца.

Уинстон прижал Джорди к груди и скрючился на полу у кровати, опасаясь случайного выстрела.

– Детка, ты какого хрена творишь? Он же заряжен!

– Не волнуйся, я поставила его на предохранитель. А вот ты бегал по городу с оружием на боевом взводе. Хорошо еще, что у гамбургеров нет ног. Решил бы на них поохотиться и отстрелил бы себе хер.

– Для этого нужна пушка побольше – вроде «магнума».

– Ага, конечно.

Иоланда спрятала пистолет под матрас и сдернула резинку с денег. Лизнув палец, она быстро разложила их на аккуратные стопки по сто долларов. Уинстон тем временем носился с заливающимся Джорди по комнате и гудел как самолет.

– Перестать, сон отобьешь.

Уинстон сел обратно на постель, подкидывая ребенка на колене.

– Ты хочешь сказать, что Плюх просто так одолжил тебе семь сотен?

– Он сперва не хотел, говорил, что это сложно, у него мало ликвидных активов, но я его напоил и надавил на чувство вины. В конце концов, это из-за него меня чуть не пришили.

– А он тут при чем?

– Чувак прекрасно знал, что я не хочу работать в Бруклине.

– Борзый, ну почему ты не можешь отказать Плюху?

Иоланда надулась и начала переключать деньги.

Уинстон сделал вид, что не замечает ее раздражения, и мазнул пальцем по сопливному носику Джорди. Иоланда спрятала деньги в верхний ящик комода, забрала у Уинстона ребенка и вышла в гостиную.

Подпоясывая одной рукой черную шелковую ночнушку, она предостерегла Уинстона:

– Очень надеюсь, что тут ты будешь золотой рыбкой.

Уинстон сбросил кроссовки и улегся на подушку, сложив руки над головой в ожидании тирады.

– Как же этот глупый ниггер стал отцом моего ребенка?

– Ты прекрасно знаешь, как – я заухаживал тебя до усрачки.

Иоланда работала на кассе в «Бургер-Кинге» на углу Четырнадцатой и Шестой авеню, грязной забегаловке рядом с YMCA. Это была ее первая настоящая работа – параллельно Иоланда посещала школу при Йорк-Колледже – и спустя полгода все еще оставалась усердной крепостной в этом фастфудном королевстве. Свою бумажную корону она носила с гордостью, делая вид, будто каждый покупатель – возможно, секретный инспектор в штатском, который проводит проверку ее забегаловки. Иоланда с улыбкой клала добавку в заказанные вопперы-комбо и никогда не забывала добавить: «Спасибо, заходите еще». Репутация у нее была безупречной: к табличке «Работник месяца» ее фото просто приклеили скотчем.

Она не видела, когда в ресторан зашел Уинстон со своими друзьями. Все в капюшонах, как сборище друидов, в дутых куртках, лыжных масках, меховых наушниках, они стряхивали с себя декабрьский снег, как мокрые собаки, – и натоптали на только что протертый пол. Ватага устремилась к прилавку, шуточно пихаясь за место в очереди. В эту секунду Уинстон заметил Иоланду, которая посыпала солью картошку-фри. Он не успел еще толком ее рассмотреть, но в груди его уже растеклась пустота. Машина на кухне о чем-то пискнула, и фигуристый, плотный стан Иоланды скользнул к серебристой панели. Девушка нажала на кнопку – осторожно, чтобы не повредить длинные ногти с темно-вишневым лаком, – и извлекла из фритюрницы порцию обжаренной в кляре курятины. Уинстон разглядел несколько колец на ее пальцах – признак, что у нее, возможно, есть мужчина. Иоланда наклонилась, чтобы поставить поднос в подогреватель, продемонстрировав профиль правой груди. Коричневые полиэстеровые брюки в сочетании с флуоресцентным освещением кафе придавали ее ягодицам сексуальный блеск. Лица Уинстон не видел: она говорила с менеджером о какой-то ерунде вроде еды на вынос. Уинстон поглядел на кожу ее шеи под собранными в «бабушкин узел» волосами и почувствовал, как побежали мурашки. Иоланда повернулась, наполнила стакан лимонадом и посмотрела на Уинстона. Увидев, как он стоит, зачарованный, Иоланда запнулась, а потом улыбнулась. Их глаза встретились – и оба мгновенно перенеслись на шестую страницу любовного романа из тех, каких полно на книжных стойках-вертушках в супермаркетах.

Когда Иоланда подошла к кассе, Уинстон отступил на пару шагов, пропустив вперед своих голодных друзей. *Это была не дежурная улыбка «Добро пожаловать в Бургер-Кинг», – думал он. – Девочка мне что-то пытается сказать.* Иоланда избегала взгляда Уинстона. Она принимала заказы его друзей и безотчетно приглаживала пушок на висках, мысленно повторяя про себя брачную мантру, которая передавалась в поколениях черных женщин: *Ниггеры ни хера не стоят. Ниггеры ни хера не стоят. «Ниггеры ни хера не стоят».*

– Следующий, пожалуйста, – вежливо объявила Иоланда.

Уинстон подошел к кассе и принялся рассматривать меню. Он не торопился, тщательно подбирая слова для первого разговора с женщиной, которая, как он знал, станет любовью всей его жизни.

– Один воппер с сыром, без огурцов, без лука. Два больших сэндвича с курицей, поменьше соуса.

Иоланда повторила заказ в микрофон, подавив дрожь в голосе.

– Еще что-нибудь брать будете, сэр?

Ой, она попалась, влетела в классическую ловушку любого сердцееда!

Иоланда крепко вцепилась в микрофон и мысленно собралась, ожидая услышать неизбежную «кадрильную» фразу.

– Да, большую порцию луковых колец и два яблочных пирога.

Иоланда испытала одновременно облегчение и разочарование. Может, она ему не понравилась? Может, он смотрел вовсе не на нее, а на транспортную ленту с жирными бургерами за ее спиной? Она посмотрела на шоколадное лицо Уинстона и повторила заказ. Вспомнив свои правила общения с покупателями, Иоланда перешла к картошке-фри и напиткам.

– Хотите попробовать нашу новую картошку-фри с сыром чеддер? Что будете пить?

– Апельсиновую газировку.

– Размер?

– Примерно с тебя.

Иоланда покраснела, но не растерялась ни на секунду.

– Значит, среднюю.

Уинстон засмеялся, наклонился поближе и втиснулся в ее жизнь.

– Ты из Куинса.

В любом другом случае Иоланда попросила бы покупателя отойти в сторону, чтобы она могла принять следующий заказ. Но сейчас она перевела взгляд с лица Уинстона на его руки, удивляясь, какая гладкая у него кожа.

– Откуда знаешь?

– Серьги-дельфины, волосы в мелкую завивку, на руках больше серебра, чем золота. В тебе есть даже что-то от Лонг-Айленда.

Дедуктивные выводы Уинстона были верными, но Иоланда сделала вид, что не впечатлена.

– Да ну?

– Так откуда ты? Холлис? Кью-гарденс?

– Куинс-виллидж, недалеко от железной дороги. Так сойдет?

– Мне все сойдет, кроме Бруклина. Мужик есть?

Иоланда протянула ему руки с целой коллекцией магазинных обещальных колец.

– А можно его послать куда подальше?

– Конверт есть?

Парни из компании Уинстона, стоявшие за его спиной с подносами тепловатых бургеров в вошеной бумаге, ощутили приступ коллективной ревности, более сильной, чем готовы были признать. Они наперебой принялись «подбадривать» его, чтобы завязывал с флиртом.

– Давай прогуляемся, Чаббси, милый!

– О, мисс Крабтри, у меня такая тяжесть на сердце!

– Тяжесть скоро будет у тебя на губах.

– Через минуту что-то тяжелое будет у девочки на коленях.

Уинстон пытался сопротивляться притяжению своей команды. Ему не хотелось поддаться гравитации дружбы, сбиваться в кучу и возвращаться к привычному «да я то, я это». Разговор спасла Иоланда, отметив тяжесть пустоголового балласта, противостоящего невесомости нарождающейся любви.

– Они что, берегут твою невинность?

– Вроде того.

– Имя у тебя есть?

– Борз.

– А как на улице зовут?

– Борзый.

– Я Иоланда.

Иоланда подвинула Уинстону коричневый поднос, забитый едой, которую он не заказывал. Посреди леса картошки-фри свои холестериновые владения обозревала пятисантиметровая фигурка «Короля бургеров». На его копье красовался чек с номером Иоланды, нацарапанным под суммой заказа.

Уинстон высыпал ей на ладонь комок смятых купюр и пообещал позвонить вечером. Буркнул:

– Ну, ладно тогда. – И он отчалил к своим дружкам, позабыв о сдаче.

Иоланда смотрела ему вслед и представляла, что скажут ее подруги, когда она появится в клубе с грузным костоломом. Таша, как пить дать, скажет: «Какой страшный ниггер, надеюсь, он хотя бы петь умеет». Улыбаясь своим мыслям, она выкрикнула:

– Следующий!

И, даже не оборачиваясь, Уинстон отозвался:

– Я, черт возьми!

Их первое и единственное свидание состоялось в канун Рождества на прогулочном катере, который курсировал вокруг Манхэттена. Иоланда и Уинстон встретились на пристани Бэттери-парка. Уинстон явился минута в минуту (впервые в жизни, исключая случаи, связанные с судебными процессами), Иоланда – с обязательным для независимой женщины опозданием на четверть часа. Уинстон помахал билетами, купленными за неделю вперед, и веселая парочка побежала по деревянному настилу, распахивая локтями приезжих зевак. Они наперегонки взбежали по винтовой лестнице на верхнюю палубу. Иоланда села у иллюминатора, Уинстон втиснулся рядом.

– Не тесно?

– Нормально.

Уинстон поднял кудряшки с ее шеи, которая тут же покрылась гусиной кожей от холодного морского бриза. Иоланда приготовилась к поцелую; вместо этого Уинстон наклеил ей за ухом драмаминовый пластырь.

– Что это? – спросила она.

– От укачивания.

– Спасибо, но катер не разгоняется быстрее двух миль в час.

– Узлов.

– Я в курсе.

Судно ползло вокруг заснеженного Готэма, а они все говорили, перекрикивая монотонное бормотание гида, и находили собственные достопримечательности.

– Видишь то здание? – спросила Иоланда, указывая на небоскреб, облицованный известняком и сталью. – Я там работала в позапрошлом году. Тридцать второй этаж, кафетерий.

– Че, правда? Видишь тот коричневый дом через дорогу? Я там спину гнул. «Страддер, Фэррагат и Пибоди».

– И чем занимался?

– Смотрел, чтобы факс не зажевал бумагу.

– И все?

– Так высокие технологии! Целых два дня там продержался.

Динамик на крыше прохрипел:

– Леди и джентльмены, я знаю, что вечер сегодня туманный, но сразу за мостом Трайборо те, кто захватил бинокль, смогут разглядеть сторожевые башни на острове Райкерс. Построенная в 1936 году тюрьма на острове Райкерс была пристанищем таких печально известных преступников, как Сын Сэма, он же Дэвид Берковиц, детоубийца Джоэл Стейнберг, дон мафии Джон Готти и гарлемский наркобарон Ники Барнс...

Иоланда вскочила и помахала далекому узилищу.

– Салют, Люциус и Табита! Жасмин, как оно?

Уинстон зашипел и уставился в пол.

– Что с тобой? – спросила Иоланда, коснувшись подбородка помрачневшего парня. – Ты знаешь кого-то в Райкерс?

– Я тебя умоляю. Я знаю на «Скале» до кучи ниггеров.

– Кучу ниггеров. Или до хрена ниггеров, – поправила Иоланда.

Уинстон кивнул. Он часто моргал, пытаясь сдержать слезы и призраки грехов, прошлых, настоящих и будущих.

– Плохие воспоминания?

Уинстон не поднял глаза. Иоланда потянула его за мочку уха, погладила бровь в поисках потайного рычага на книжной полке, который открывает дверь в тайную комнату. Уинстон поднял голову и сделал глубокий вдох. Он отстегнул нагрудную пластину своего панциря и начал снимать броню, один тяжелый кусок за другим.

На хрен. Уинстон начал со своего первого ареста в тринадцать лет. Ребята из его квартала провели тот летний день, воруя в магазинах и срывая с прохожих золотые цепочки. Ближе к вечеру он со своей бандой шел по Сорок пятой, все вдрызг пьяные, наглые и задиристые, как солдаты в трехдневном увольнении. Кто-то заметил мужчину, выходящего из кинотеатра, и завопил: «Карманы!» Несчастный поклонник порно еще не успел заметить стаю красноглазых волков, как четверо ребят вцепились в его карман и рванули в разные стороны.

Швы лопнули с громким треском. Бумажник незнакомца выпал на землю и исчез быстрее, чем мужик издал протестующий вопль. По тротуару со звоном разлетелись монеты и жетоны из пип-шоу. Бедняга одновременно пытался спасти остатки своих сокровищ, поддерживать разорванные штаны и отбиться от гарлемской шантрапы, которая накинута на монетки, как голуби на крошки хлеба.

Каким-то образом один из парней, Дарк, недавний переселенец из Калифорнии, унес в качестве добычи еще и несколько жемчужных капель спермы на своей замысловатой прическе. Чтобы прекратить издевательства остальных ребят и доказать, что его толстые жесткие «хвосты» «гангстерские», а не «бабские», Дарк прочесал четыре квартала и обнаружил жертву ограбления, которая описывала двум патрульным произошедшее преступление. Не обращая внимания на полицейских, Дарк принялся дубасить пострадавшего с криками: «За дробку отобью тебе почки, у меня на бошке теперь мандавошки!» Уинстон катался по тротуару от смеха, пока копы надевали на него наручники. Он хихикал по дороге в полицейский участок: «СПИД на моих волосах, не видать мне больше девах!» Похохатывал, когда с него снимали отпечатки пальцев: «На голове молочко, лучше б кончили в очко...» Город потратил целую катушку пленки на его портрет; в конце концов пришлось остановиться на фото Уинстона, улыбающегося, как «Анкл Бен», с залитым слезами лицом.

Вечер перестал быть томным, когда полицейские не поверили, что парню таких габаритов может быть всего тринадцать лет, и, поскольку бюджетные сокращения сделали ночных судей счастливыми либеральными воспоминаниями, для подтверждения личности его на выходные отправили в тюрьму Райкерс. Процедура была недолгой. Уинстон сошел с автобуса, пережил унижения обыска с раздеванием и оказался в корпусе С-64. Там, на койке под часами играло в шашки туалетной бумагой его живое свидетельство о рождении: родной папаша. Отец и сын играли в шашки бумажными комками и спорили, кто будет звонить их жене и матери.

– Я с ней три года не разговаривал, я не пришел на похороны твоей сестры, так что звони ты, парень.

– Да пошел ты! Отсоси, сука.

В отличие от отца, Патрис Фошей держала слово. Последнее ее обещание, данное с амвона за гладильной доской, гласило: «Уинстон, будешь попадать в неприятности, я не стану выгонять тебя из дому, я уеду к чертям сама и тебя с собой не возьму. Будешь сам по себе.

Понимаешь?» В понедельник утром миссис Фошей внесла залог за обоих правонарушителей. Она высадила Клиффорда у дома его подружки, подняла к небу кулак – «Власть народу!» – и уехала в Атланту, пообещав Уинстону присылать деньги на еду и оплату квартиры, пока ему не исполнится восемнадцать.

Только через два года Уинстон решился перенести свои пожитки в комнату матери. Раз в две недели, ровно в десять, когда заканчивались черные сериалы, мать звонила узнать, как дела, и непременно спрашивала, почему он не может быть таким, «как хорошие мальчики на ТВ».

Уинстон уже заканчивал свой рассказ богохульственным «В жопу Косби»⁶, как мимо их прогулочного катера прошла громадная мраморно-белая яхта, на борту которой четкими черными буквами было выведено «Джубили». Два современных вертолета, на носу и на корме, вращающийся над мостиком радар – яхта походила скорее на военный корабль, чем на судно для развлечений.

– Так ты совсем один? – спросила Иоланда.

Уинстон пожал плечами, глядя куда-то вдаль. Иоланда понимала, что сейчас правильно было бы прижаться к пухлому плечу Уинстона и сказать: «Нет, ты не один», но давно усвоила, что первый шаг нужно оставлять мужчине. Вместо этого она заполнила неловкую паузу цинизмом:

– У всех ниггеров папаши говорят, что состояли в «Пантерах»⁷. Если даже и так, то самое большее, что им доверяли, – раздавать листовки.

– Сбрендил? Он был в деле!

Уинстон распахнул бумажник и показал фотографию чернокожего мужчины с небольшой бородкой, от берета до ботинок одетого в черное. Присев за «Фольксвагеном-жуком», тот держал дробовик в затянутых в черные перчатки руках и целился вверх капота в некоего врага революции, оставшегося за кадром. Иоланда схватила бумажник и всмотрелась в поляроидный снимок.

– Йоу, твой папаша был крутой перец! Только глянь на его остроносые шузы, а ноги, а точеный зад...

Она полистала бумажник, задержавшись на удостоверении для продуктовых карточек, чтобы убедиться, что Уинстон не придумывает насчет своего возраста. Посмотрела на относительно свежие фото молодых черных и латиносов, позирующих с оружием на фоне серых школьных шкафчиков. Групповые фотографии перемежались портретами тех же парней, с угрюмыми лицами сидящими за рулем уборочной машины или на фоне игровых автоматов в соседнем заведении: они смотрели прямо в камеру, приставив дуло пистолета к виску. Уинстон представлял ребят своего квартала:

– Грубый, Куки, Крошка-Воп, Упор – а вот это мой кореш, Фарик.

Перебирая содержимое бумажника, Иоланда осознала, что ей в нем нравится, кроме носа пуговкой. Он был в мире с собой, с тем, кем он является. Нечасто встретишь такого расслабленного черного.

Уинстон был честен – может, не перед всем миром, но он был честен перед ней и перед собой. Он не приукрашивал и не рационализировал свои похождения дурацкими байками, что его команда «задает жару», или «идет к вершине», или «живет ради риска». Никаких слезливых историй про тяготы жизни в трущобах: «Тебе не понять, быть черным – это ужасно тяжело!» – словно Иоланда смотрела на мир черных откуда-то снаружи. Она понимала, что

⁶ Уильям Генри «Билл» Косби-младший (р. 1937) – американский комик, режиссер, продюсер, сценарист. Исполнял главную роль в «Шоу Косби», сериале про преуспевающую черную семью.

⁷ «Черные пантеры» – радикальное движение чернокожих, в рамках которого действовали отряды вооруженной самообороны, противостоявшие в том числе и полиции.

такое жалеть себя и сомневаться в самом себе; с ней не нужно было говорить так, словно ее голову не украшали негритянские косички.

Иоланда постучала сиренево-розовым ногтем по удостоверению на продуктовые талоны.

– Можно?

– Не, все в магазине меня знают. Валяй.

Вытащив карточку из пластикового кармашка, Иоланда заметила под ней другое фото. «Соперница», – решила она; однако на снимке была запечатлена седовласая женщина лет под шестьдесят. Женщина позировала на фоне театра «Аполло», а рядом, склонив к ней лохматую голову, стоял Уинстон, значительно моложе сегодняшнего.

– Кто эта восточная тетка?

– Азиатская.

– А кто она?

– Мисс Номура. Она мой неофициальный опекун. Присматривала за малолетним ниггером, когда мама свалила.

– Хм-м-м.

Иоланда вернула Уинстону портмоне и нарочно уставилась на вечеринку на палубе «Джубили».

– Иоланда, ну чего ты дуешься? Мисс Номура мне как тетя. Она живет в доме напротив, знала отца, еще когда он был в «Пантерах». Говорю тебе, она мне что вторая мать. Если ты ревнуешь меня к шестидесятилетней, у тебя проблемы.

Иоланда скрестила руки на груди и отвернулась к иллюминатору.

– Этот херов катер еле ползет.

Уинстон вытащил из-под сиденья ярко-оранжевый спасательный жилет и осторожно надел на Иоланду, защелкнул замок на груди и подтянул кордовые завязки на спине. Плечи Иоланды ощутимо расслабились. *Ого*, – подумала она, – *этот толстый ублюдок не дурак*.

Толстый ублюдок тем временем картинно сдернул с себя куртку и накинул на плечи Иоланды. Он отошел от мрачных воспоминаний и приготовился расчехлить свой рэп, ведь рэп для черного – это все равно что хлыст для укротителя львов, которым тот ставит на место упрямую кошку, или коан буддистского монаха, еще больше запутывающий послушника. Как звучит рэп одного человека?

– Иоланда, бросай спектакль, я ведь вижу, ты в моей лузе. Все в кайф, но давай без игр. Мы все иногда нуждаемся в спасении. Ты вернулась в школу, спасаешь себя сама. Одно то, что сильная черная женщина идет с поднятой головой против всего этого дерьма, заставляет меня задуматься, как выправить свою жизнь. Так что слушай, я ни сейчас, ни потом не заберу из твоей жизни ничего, что делает твою жизнь лучше. Это не обещание, это факт, детка. Как что небо голубое, летом жарко и что ты потрясная. Без вопросов, мисс Номура для меня – как этот спасжилет, держала на плаву в тяжелые времена. Но я просто болтался вверх-вниз в штормовом море улиц. Ты – моя спасательная шляпка, ты вытащила меня из воды. Полундра и свистать всех наверх типа.

Иоланда прижала ладонь к его губам.

– Хватит. Ты мне правда нравишься – больше, чем следовало бы, – но давай сегодня приторможим: у нас вся жизнь впереди, хватит и на поцелуй, и на обнимашки. Сегодня будем беззаботными, как те белые на яхте. Смотри, как они зажигают!

Уинстон полез в рюкзак, вынул запотевшую черную бутылку шампанского «Фрешенет», два бумажных стаканчика, бурого плюшевого медвежонка с розовой ленточкой на шее и рождественскую открытку.

– Нет, это *мы* зажигаем.

Потягивая шампанское, Иоланда рассмотрела самодельную открытку внимательнее. Снаружи ее украшала на удивление хорошо написанная акварель: чернокожая пара целуется на

фоне гор, на них с удивлением глядит стайка мультяшных лесных животных с грустными глазами, а-ля Дисней. Внутри аккуратными квадратными буквами было выведено:

*Тайна красоты это
[маленькое зеркальце]
ты.*

Иоланда увидела свое отражение, обрамленное сентиментальной банальностью, и поддавалась фривольной манипуляции под названием «романтика». С веселым «Дзинь!» они с Уинстоном чокнулись бумажными стаканчиками.

– У меня тост! – воскликнула Иоланда, пытаясь скрыть неловкость. – Тост за любовь. Тост за мужчину, который заставил меня открыться без обещаний, без красотей-мускулов-виляния-крепким-задом и без денег.

Уинстон почесал подбородок, пытаясь определить, похвалили его или обругали, потом поднял стакан:

- За женщину, которая любит меня за меня самого, хоть я для нее почти незнакомец.
- На хер незнакомца.
- За женщину, которая знает, чего хочет.

Иоланда и Уинстон оторвались от своего первого поцелуя; их языки онемели от шампанского, сексуальные органы налиты желанием, а оси их молодых миров навсегда сместились. Или, как деликатно выразился Уинстон, вытирая с губ помаду:

– Все идет хаясё-хаясё.

– Как я поймалась на эту брехню, Борз? «Все хаясё-хаясё». Тебе все «хаясё-хаясё», потому что ты вечно пьян, алкаш!

Иоланда не унималась, и Уинстон уже сидел на диване в гостиной, терпеливо перенося выволочку. Для него выслушивать, как Иоланда его унижает, было сродни походу в церковь на Пасху: не хочется, но надо. Сидишь по необходимости, сложив руки на коленях, и надеешься, что головная боль не позволит проповеди просочиться в мозг.

Но когда Иоланда шагнула к книжной полке, Уинстон окаменел.

– Ну нет, Ланда, только не это!

Объемистые Иоландины архивы состояли из аккуратных стопок журналов «Эссенс», «Эбони» и «Чоклет Синглс», полных статей вроде «Гипноз при помощи тыквенного пирога», «Атлантида, единороги, негритянская любовь – правда или вымысел?» и «Десять положительных качеств черного мужчины помимо величины члена». За журналами следовали книги по самопомощи, написанные женщинами из Филадельфии с короткими афрострижками: «Сестры делают это для себя – как мастурбировать для достижения африканского оргазма», «Практический гид черной женщины в поиске настоящего мужчины» и библия Иоланды – «Ниггер-удовлетворитель».

Больше всего в тематической подборке Иоланды Уинстона смущала не всяческая дребедень от «докторов-того-и-сего, профессоров-антропологии-и-косметологии» – поиски недостающего звена между первобытным Ташихватаем и выведенным в пробирке Дензелом Вашингтоном, авторы которой считали его, Уинстона, окаменелостью, и псевдонаучные дневники, которые считали его монстром: *Я собрала вокруг себя инструменты жизни, чтобы вдохнуть искру бытия в это безжизненное нечто у моих ног... Я увидела, как открылся тусклый желтый глаз существа*, – глядите-ка, я, Иула Франкенштейн-Барнс, автор бестселлера «Хороший черный мужчина – нужна дополнительная сборка», создала жизнь!

Больше всего его раздражало, что Иоланда начала покупать всю эту макулатуру после женитьбы, когда их отношения были безоблачными – как минимум в его представлении. Когда

после секса Иоланда сидела в постели и читала «Практический гид черной женщины по поиску настоящего мужчины», он взрывался:

– Я что тебе, не настоящий мужчина? Почему-то мне и в голову не приходит сомневаться, настоящая ли ты женщина!

...И я наделила его чертами божественной красоты. Красоты! Великого бога!

Иоланда пыталась успокоить Уинстона лекцией о проблемах, характерных исключительно для черных пар. Уинстон возражал, что в отношениях нет никакой разницы между черными, белыми, пуэрториканцами или кенгуру.

– Проблемы есть проблемы, – говорил он. – Единственная разница в том, что постельные дела черных берется изучать каждая самодовольная сука с научной степенью и текстовым редактором.

Иоланда в предвкушении пробежалась пальцами по мягким обложкам, черпая из раздела романов энергию, подобно ирландке, целующей Камень Красноречия. Уинстон клялся могилами всех родственников, которых только мог вспомнить, что изменится. Вытянув с полки тонкую книжку «Пощечина забвения», Иоланда раскрыла ее на первой странице и откашлялась. Уинстон поморщился и вцепился в подлокотник дивана в ожидании литературного эквивалента кастрки. Он непроизвольно брякнул про «Заводной апельсин». Иоланда подняла на него глаза.

– Борзый, о заводе позабочусь я. Когда закончу, ты будешь знать, который час.

Она начала читать так громко, что Уинстона вдавило в обивку. Он ощутил особую связь с бесполезной пуговицей посередине диванной подушки.

– Глава первая.

Иоланда облизнула губы.

– Джорджо Джонсон знал, что к киске нужно относиться с уважением.

Уинстон вскочил и протестующе топнул ногой.

– Не бывает ниггеров по имени Джорджо!

Всего одним прищуром Иоланда усадила его обратно. *Почему я не женился на женщине, которая любит разгадывать кроссворды в метро вместо того, чтобы читать это дерьмо,* – подумал Уинстон.

Иоланда продолжила:

– В киске сила сильная, и Джорджо Джонсон выпустил ее наружу, всю целиком. Его острый язык вклячился в преисподнюю моей горячей, сочащейся мохнатки...

Иоланда все читала, а Джорджи тем временем подполз к Уинстону и обхватил его голень, как коала ветку эвкалипта.

– Кошмарное дерьмо, да ведь? – тихо спросил Уинстон. – Ты заметил, что ни у одного женского персонажа нет имени? Их зовут «Сестра-дитя», «Мама-кукла», «Кузина», «Королева Тетка Женщина Чистая Любовь». Всякая «мы одна семья», сестринская белиберда. Эти долбаные книги надо продавать с набором для вышивки и африканскими тюрбанами. Ты, парень, не беспокойся. Я тебе как-нибудь почитаю про Пеппи Длинныйчулок.

Джорджи расцвел беззубой улыбкой.

– А, ты любишь ее, да? Ты помнишь, что наша Пеппи не носит трусиков?

Прикрыв сыну уши, Уинстон задумался, как противопоставить душещипательной литературе Иоланды авторов своего разлива. Он представил, как вырывает книгу из рук жены, бросает на ковер и перебивает ее феминистические чувственности тестикулярными, мачистскими текстами. Порция сутенерской прозы от Айсберга Слима или Дональда Гойнса могла бы восстановить равновесие полов в их отношениях.

– Уинстон! – завопила Иоланда.

– А, что?

– Посмотри на ребенка?

Джорди ввинтился под рубашку Уинстона и принялся мять и сосать пухлую отцовскую грудь. Иоланда пришла в бешенство.

– Ты видишь? Видишь? Мальчику уже год, а он даже не понимает, кто есть кто из его родителей.

– Он знает, что я его папа, – ответил Уинстон, вытирая слюни с соска.

– Тогда он не знает, для чего папа нужен, потому что ты целыми днями где-то шляешься!

Выдохнувшись, Иоланда потеряла переносицу.

– Уинстон, что ты собираешься делать?

Уинстон ничего не ответил и повернулся за мужской поддержкой к Джорди, который оседлал его бедро. Но сын, казалось, вопрошал: «Да, ниггер, что ты *намерен* делать?»

При виде грустного личика ребенка у Уинстона внезапно включились инстинкты домашнего умельца. Ему вдруг захотелось починить текущий кран, подмести тротуар перед домом, проверить, не расшатались ли детские решетки на окнах. Его предупреждали, что рождение ребенка многое изменит. Сделает его более ответственным. Не таким импульсивным. Уинстон поклялся, что отцовство не переменит его, по крайней мере не надолго. По опыту других отцов-неудачников он знал, что послеродовая совесть держится примерно год. После этого все возвращалось на круги своя, даже с большим усердием, чем прежде: *Мне надо детей кормить, брат, детей, блин, кормить*. Какой смысл изменяться человеку, если обстоятельства остались те же? Будь ты трижды ангелом в аду, это все равно ад. Уинстон вытащил из кармана листовку Вильфредо Сьенфуэгоса.

Он снова прочел призыв: «*Остановим насилие*». Зачем?

Иоланда взъерошила жирные волосы Уинстона и поцеловала его в щеку.

– Уже не ляжешь?

Уинстон кивнул.

– Оставь мне немного денежек на кино.

– Только не читай Джорди про Пеппи Длинныйчулок. Еще сделаешь из него любителя белых девочек.

Иоланда почесала затылок.

– Я могу завтра доверить тебе ребенка?

– Конечно!

– Никакой выпивки, никакой травы. Джорди – твой сын, а не какой-нибудь знакомый из твоей программы реабилитации.

– Говорю тебе, это не повторится. Господи, одна татуировка!

Когда она повернулась, чтобы уйти, Уинстон ухватил ее за пояс, притянул к себе, как йо-йо, и вытянул губы для поцелуя на ночь. Иоланда не заставила себя ждать. Потом губы Уинстона в несколько влажных чмоков перепорхнули с губ Иоланды на ее грудь. Обследуя кончиком языка отвердевший сосок, он накрыл ртом ареолу и медленно сжал губы. Язык оросила струйка молока. Иоланда застонала от боли и удовольствия.

– Ты ела на обед *arroz u habichuela con pulpo*⁸ в кафе у Далии?

Иоланда тряхнула головой от удивления и заехала ему по уху. Уинстон поднял руки, купаясь в самообожании.

– Я разбираюсь в грудном молоке. Мне бы выступать в телике. Я мог бы сосать женские груди и отгадывать, что тетки ели на завтрак. Вот это была бы работка! «Яичница с сыром и луком, блины с голубикой, слегка смазанные маслом».

– Завтра не облажайся с дитем.

– Одна наколка!

⁸ Рис с бобами и осьминогом (*исп.*).

Зевая, Иоланда скрылась во тьме коридора.

– Спокойной ночи, Борзый.

– Не смей видеть сны о Джорджо Джонсоне!

Уинстон усадил Джорди получше и прицелился пультом в темный прямоугольник телевизора. Тот включился с благодарным щелчком. На экране мальчик болезненного вида играл с кем-то в мяч. Камера переключилась на крупный план. На бледном лице выделялись две черты: высокие бугристые скулы и полупрозрачные, как мушиные крылья, веки, испещренные варикозными капиллярами. Ссохшуюся голову ребенка прикрывала бейсболка размеров на пять больше, чем нужно. Камера «отъехала» и кто-то кинул парню бейсбольный мяч. Тот неуклюже поймал его двумя руками в совершенно новую перчатку-ловушку. Отправив мяч обратно, мальчик повернулся к камере:

– Меня зовут Кенни Мендельсон, мне десять лет, но у меня хрупкие кости восьмидесятилетней женщины и прическа, как у пациента химиотерапии.

– У тебя еще есть чувство юмора, – вставил Уинстон, наклоняясь к Джорди. – У чувака это... как называется эта болезнь? Старохрычит или что-то такое.

Уинстон опасливо поднял все конечности Джорди по очереди, выискивая в подмышках и других углублениях странные пятна или высыпания – все, что может быть признаком подобной врожденной болезни.

– Держись, чувак, – сказал он телевизору. – Я-то знаю, что такое – повзрослеть раньше времени.

Он провел рукой по спинке сына, считывая выступающие косточки и складочки жира, как знакомый текст, набранный азбукой Брайля. Уинстон миновал плечо и остановился на правой ключице, где зелеными печатными буквами по молочного-шоколадной коже Джорди было выведено: «Бомба!» Он вздохнул.

– Бомба! Блин, никто уже даже не говорит «Бомба!»

Остается надеяться, что с возрастом тату сойдет. Как бы то ни было, светлокожие дети годам к пяти темнеют...

Следующий блок социальной рекламы был посвящен программе «Старшие братья». Лысый черный актер, которого Уинстон помнил по эпизодическим ролям в давно закончившихся телесериалах, шел по улице размеренным властным шагом. Он подошел к молодому черному парнишке в полосатой рубашке поло, положил руки ему на плечи и заговорил поставленным опереточным баритоном:

– Указать путь в среде, лишенной ориентиров, – моральное право, нет, даже священный долг каждого афроамериканского мужчины. Не так ли, Кларенс?

Кларенс посмотрел на его подбородок и улыбнулся.

– Да, сэр!

– Покажи им, чему я тебя научил.

– Сейчас?

– Да, сейчас.

– Как-то в полночь, в час угрюмый...⁹

Молодой Кларенс принялся декламировать предельно сокращенную версию «Ворона» По, кстати, вполне прилично, лишь долю секунды помедлив перед «завесами пурпурными» и к завершению перейдя на подобающий мрачный пафос:

– И душа моя из тени, что волнуется всегда, не восстанет – никогда!

Кларенс поклонился, а актер, с глазами, полными слез, повернулся к камере и сказал:

– Ну разве это не юная Тереза Дулитл? Сделайте мечту чернокожего мальчика реальностью, звоните прямо сейчас.

⁹ Здесь и далее – перевод К. Бальмонта.

Уинстон постарался запомнить номер, указанный на экране.

Джорди, убаюканный классической поэзией, уснул. Уинстон прижался ухом к его вздымающейся груди и прислушался к биению сердца.

– Ты знаешь, мелкий, что сегодня чуть не остался безотцовщиной? Был на волосок от того, чтобы вырасти одним из этих неуправляемых ублюдков? Твоя мамаша сверлила бы тебя: «С тех пор как умер отец, ты стал просто невозможным». Да, я тебя от многих переживаний спас. А то плакал бы по ночам, проклинал меня за то, что я тебя оставил. Но я никуда не денусь, пацан. У меня есть план, как разобраться со всем этим дерьмом. Разложить все какашки по полочкам.

Задрав правую штанину, Уинстон почесал тату: вишнево-красное сердце с желудочками и всем, что полагается, хоть сейчас кровь качать, лежащее в пламени древнегреческого факела – и все это обмотано колючей проволокой. Татуировка начиналась в паре сантиметров от лодыжки и заканчивалась, чуть не доходя до линии загара от резинки хлопчатобумажных носков. Не считая ладоней и подошв, там была самая светлая кожа на всем его теле. Над сердцем, словно длинная лента за гимнастом на Красной площади во время первомайской демонстрации, вилась фраза, написанная изящным рукописным шрифтом:

БРЕНДА, Я ЗНАЮ, ТЫ УШЛА ОТ МЕНЯ БЕЗ УМЫСЛА, И Я НЕ В ОБИДЕ.

Уинстон сказал татуировщику, что фраза должна хорошо читаться.

– Видел, как люди читают записки в старых черно-белых фильмах? Ни разу не было, чтобы актер взял бумагу и начал вертеть ее туда-сюда и шуриться, мол, что тут за хуйня написана.

Уинстон осторожно ощупал кожу вокруг шедевра, словно та еще болела.

– Так что скажешь насчет того, чтобы обзавестись дядюшкой, Джорди? Чтобы у меня появился Старший брат, который научит меня грамотно писать, чтобы я стал кинокритиком. Нет, стоп. Это вряд ли. Черных кинокритиков не бывает. Если подумать, я не видел, чтобы ниггер говорил о чем-то, не связанном с другими ниггерами, – хотя вру, есть педоватый метеоролог на Седьмом канале. «Переменная облачность и легкий дождь с утра – радость-то какая». Но это все-таки вариант. Завести себе напутственного ниггера. Образованного ублюдка, который сможет меня как-то направить и все такое. На Седьмом канале будет рассказывать про погоду настоящий черный. «Йоу, сегодня холодрыга. Реальный дубак. Так что, ниггеры, если у кого дежурство на улице, одевайтесь теплее или линияйте к своей бабе. А еще лучше увольняйтесь». И, Джорди, чему бы я ни научился у своего Старшего брата, я все передам тебе. Пацан, твой папаша станет одним из этих ублюдков, курящих сигары и читающих «Уолл-стрит журнал», потому что я устал быть никчемным ниггером из «Изюминки на солнце»¹⁰.

¹⁰ «A Raisin in the Sun» (англ.) – пьеса Лоррен Хэнсберри, впервые поставленная на Бродвее в 1959 г.

4. Крыльцо

Лотерейный автомат жужжал и шелкал, выплевывая билеты пастельных цветов в руки оператора. Казалось, его скрежет помогает планете вертеться вокруг своей оси, ну, или хотя бы кварталу не превратиться в руины.

– Так, 2-2-1, один доллар бокс, 8-4-7 доллар точный, 3-7-3-1 туда-сюда тоже доллар.

Оператор послушно вбивал указанные Уинстоном цифры.

– 5-2-2-4 доллар на точный, полдоллара бокс.

Иоланда шлепнула оператора по руке.

– Секундочку, Денеш. Уинстон, откуда ты взял эти номера?

– Я ж говорю, меняю свою жизнь. И начинаю с изменения моих номеров.

– Но ты и мои номера меняешь!

– *Наши* номера, детка.

– Ты сколько денег положил?

– Два доллара.

– Вот и меняй на два доллара. – Иоланда всучила ему коротенький зеленый карандаш, перфокарту и отпихнула от прилавка. – Давай, заполни карту еженедельной лотереи и не трогай мои номера.

Уинстон картинно «отлетел» в сторону и остановился у стойки с выпечкой.

– Терпеть не могу эти огрызки, у них даже ластиков нет. Если я впишу 44 вместо 45, все мое будущее может пойти коту под хвост из-за ебучих лилипутских карандашей без ластиков.

Иоланда рассмеялась.

– Думал, ты такой хитрый? «5-2-2-4 доллар на точный, полдоллара бокс». Думал, я не обращаю внимания, раз ставка всего пятьдесят центов? Что вообще с тобой – то эта хрень насчет «Старшего Брата», теперь номера мои меняешь.

– Получилось же. Почти.

– Да шиш тебе.

– Ага. На секундочку такая: «Ах, мне нравится, что мой мужчина такой настойчивый, только послушайте – полдоллара бокс. Такой уверенный».

Уинстон умял пирожное и торопливо заполнил заявку на беззаботное будущее. Их ждали Фарик и остальные.

Фарик восседал на своей бетонной трибуне, верхней ступеньке крыльца на 109-й стрит, погруженный в чтение журнала. Выгнув брови, как крылья чайки, он сыпал бизнес-терминами, будто крошками кукурузных чипсов, заваливавшихся во рту со вчерашнего вечера.

– Доход на акцию – приличный. Медианная операционная маржа – средняя. Рыночная стоимость – 24,6 миллиона. Прибыль на данный момент... ничего особенного. Доля акционера – 15,7 процента, ни хера себе!

Подруга Фарика, сутулая женщина по имени Надин Примо, придвинулась поближе, положила подбородок ему на плечо и, указывая на страницу, добавила:

– У этой неплохой доход на одного работника.

Трое парней, сидевших на ступеньку ниже, проявили нетерпение.

– Что за хрень ты несешь, Плюх? – спросил долговязый Армелло Сольседо, наполовину доминиканец, наполовину пуэрториканец. – Я не для того сюда приперся, чтобы все воскресенье глядеть, как ты журналчик почитываешь, *entiendes?*

Надин ткнула большим пальцем в сторону своих скептически настроенных друзей и сказала:

– Покажи им.

Фарик поднял журнал и с бесконечным терпением детсадовского воспитателя к младым чадам медленно продемонстрировал его озадаченным парням.

– Братья мои, вот что нам нужно знать об этом лете, – серьезные бабки. Экономическая самостоятельность.

– Какой хуйни ты обкурился? – спросил Уинстон, подходя к крыльцу под руку с Иоландой. Оба были одеты одинаково с ног до головы – одинаковые кроссовки, рыбацкие панамы и пижамные костюмы в сине-зеленую полоску. Свободной рукой Иоланда держала Джорди. – Ты, инвалидина, все еще читаешь им журналы про кунг-фу? Не знаю, чему вы так радуетесь, с тех пор как мне исполнилось пять лет, в этих статьях печатают одно и то же. «Мы раскроем вам тайну дюймового удара Брюса Ли и другие могучие техники джит-кун-до – впервые в истории!» И еще картинка, где чувак отжимается на одном пальце.

Он остановился у нижней ступеньки. Все важные решения в жизни Уинстон принял на этом крыльце – например, впервые согласился выпить пива и решил не просить Иоланду сделать аборт. Дальше по улице дети играли в стикбол. Какой-то мальчик обежал три базы подряд и использовал остатки воздуха в легких, чтобы поиздеваться над противником. Если весь мир – театр, то крыльцо у дома 258 по Восточной 109-й стрит было авансценой в Трагедии Гетто. Иоланда потянула своего застенчивого мужа за локоть.

– Борзый, давай сядем.

Осторожно пробираясь через бурелом острых коленей и вертлявых ног, они поднялись по ступенькам и уселись на оставленном для них местечке рядом с коваными перилами. Все присутствующие, за исключением Фарика, радостно приветствовали опоздавших Уинстона и Иоланду рукопожатиями и поцелуями. Фарик же нахмурился и отвернулся. Уинстон вернул внимание друга легким подзатыльником.

– Не отводи взгляда от противника даже во время поклона.

– Ну ты и мудила!

Уинстон не унимался, перейдя на карикатурный китайский акцент:

– Это как палесь, указываюсий на Луну: не концентрируйся на палисе, инасе упустис все сюдеса небес.

– Хватит с меня мути из «Выхода Дракона». Ты опоздал. И это не «Мир карате».

Фарик поставил журнал на сгиб локтя, как Моисей свои скрижали.

– Это июньский выпуск «Черного предпринимателя».

– Ой, только не *июньский*, тысяча извинений. – Уинстон склонил голову в насмешливом раскаянии. – Что в нем такого особенного?

– В июньском номере есть статья о сотне крупнейших бизнесов, принадлежащих черным. Если мы собираемся этим летом сделать реальные бабки, нам нужны образцы для подражания, и тут, – Фарик шлепнул по обложке журнала, – мы найдем сотню контор, зашибающих бабки, которыми управляют пунктуальные ниггеры, кое-чего добившиеся в мире, где человек человеку вол.

– Человек человеку волк, – поправила Иоланда.

– Не передразнивай меня, – огрызнулся Фарик и продолжил тираду: – Деньги и Аллах – это ключи, ключи, что освобождают от цепей, сковывающих наши сердца и умы. Коран учит человека, как проникнуть в тайны замков, а деньги позволяют приобрести необходимые инструменты. Тогда каждый может изготовить ключ к свободам.

Иоланда оскалилась, как львица перед схваткой.

– Свободам? Во множественном числе?

– Разумеется! Конечно, в сраном множественном!

Фарик потер подбородок, подбирая пример, потом продолжил, разрубая рукой воздух после каждого слова:

– Когда Линкольн дал рабам свободу – в единственном числе – они могли голосовать? Владеть собственностью? Трахаться, с кем хотели? Нет. Поэтому свобод больше чем одна.

– То есть у нас «право на правды, справедливости и стремления к счастья».

– Колледж тебя портит, дорогая. Ты вообще какую специальность выбрала?

– Еще не решила.

– Видите? Бледнолицые уже прикарманили одну из твоих степеней свободы. Не решила.

У черных нет времени на нерешительность. И в твоём колледже на самом деле лишь две специальности, «не решила» и «обманистика».

– Обма... что?

– Не важно. Мы – и вообще ниггеры в целом – должны держать все внутри сообщества: врать по-черному, умирать по-черному и покупать по-черному. Имитировать Жида.

Все больше раздражаясь не столько из-за его религиозной бестактности, сколько по причине отсутствия логики в фариковской риторике, Иоланда прищурилась и спросила:

– Жида? В единственном числе?

– Да. Жида в единственном.

– Ты хочешь сказать, что существует какой-то гигантский Супержид?

– Ты понимаешь, что я хочу сказать, мисс грамотейка. Жид – это ... Борзый, как звать трехголового монстра, который дрался с Годзиллой?

– Гидра, – ответил Уинстон.

– Жид – как Гидра. Три головы, но тело движется к общей цели: надрать Годзилле задницу.

– А Годзилла, надо понимать, – черные?

Фарик закатил ревматические глаза и выразительно посмотрел на Уинстона.

– Говорил тебе, не надо приводить женщин! Они ни в зуб ногой в настоящем бизнесе.

– Да пошел ты на хер, Плюх! – рявкнула Иоланда, глядя на Надин в надежде на женскую солидарность.

Надин пожала плечами.

– Он прав.

– Да конечно, прав. Вон, спросите у Буржуя. Буржуй, я же прав?

Услышав свое прозвище, Буржуй мгновенно очнулся от забытья и выпрямился. Его грязное тощее тело уместилось на ширине одной ступени на середине крыльца, колени были плотно прижаты к груди, а мягкие подошвы шлепанцев обхватили край ступени, как когти совы – ветку дерева.

– Ну чего, Буржуй, я прав?

Буржуй, превратившийся в мумию благодаря неудачным бизнес-проектам, крэку и просто возрасту, в знак согласия отсалютовал бутылкой, обернутой бумажным пакетом.

– Только две сучки заработали деньгу своим умом – Опра Уинфри и эта... забыл, как вторую звать, она изобрела горячую расческу или какую-то такую же хрень.

Именно у Буржуя Фарик прошел уличную школу большого бизнеса, научился пониманию биржевых котировок, умению накалывать клиента и, если бы ему вдруг вздумалось платить налоги, проскакиванию через многочисленные лазейки. Единственное, что Уинстон знал о предполагаемом бизнес-гении, – с годами тот стал одеваться гораздо хуже. Свои первые деньги он сделал на продаже ящиков из-под молочных бутылок, по доллару штука: их использовали в качестве сидений зрители на легендарных баскетбольных турнирах в парке Ракера и на Западной Четвертой стрит. Фарик уверял, будто Буржуй обладает всеобъемлющими экономическими знаниями, однако Уинстон никогда не видел, чтобы тот делился жемчужинами своей мудрости – разве что дешевыми побрякушками, сорванными с шеи пьяненьких пассажиров метро. Только раз он застал Буржуя, ведущего осмысленный разговор. Два года назад Уинстон побывал на ретроспективе итальянской кинокомедии в Линкольн-центре, и там, на выходе

из кинотеатра, он заметил бутик Буржуя – ярмарку под открытым небом на углу Бродвея и Шестьдесят шестой стрит, с одним-единственным продавцом. Буржуй торговал электроникой в вакуумной упаковке: толкал туристам поддельные телефоны, автоответчики, двухкассетники и прочее. Уинстон уже собрался незаметно поздороваться, когда какой-то пузатый негр заинтересовался коробкой с видеокамерой, затянутой в прозрачный бесшовный пластик. Он взял ее в руки, проверил, не смяты ли углы, словно это как-то влияло на качество содержимого.

– Сколько?

Буржуй подмигнул ему и вполголоса осведомился:

– Ты в своем уме?

– Не, я спрашиваю, сколько за камкордер?

– Этот товар не для братьев, – ответил Буржуй, выхватив коробку из рук незнакомца.

Он убрал ее за спину, словно коробка была букетом цветов, а он пытался найти причину, чтобы сбежать от редкостно уродливой особы, явившейся на свидание вслепую.

Незнакомец отступил, в его глазах мелькнула искра понимания:

– Я благодарен тебе за доброту, брат мой.

Повернув в сторону центра, несостоявшийся покупатель бросил прощальный взгляд на Буржуя, который торговался с любителями дешевизны. Он догадался, что туристы вернутся в Мюнхен, Осаку и Рим с полными сумками подарков: с ничего не лоящими приемниками и кирпичами, завернутыми в газету.

Старания правительства оживить мелкий бизнес, принадлежащий меньшинствам, посредством соглашений о свободной торговле и снижения налогов Буржую не помогли. Он больше не заправлял личным супермаркетом электроники. Последствия экономики просачивания довели его до торговли трущобной мелочовкой – ворованным сыром, копченостями и безрецептурными лекарствами. Жители Восточного Гарлема нередко наблюдали, как Буржуй носился по Лексингтон-авеню, втюхивая прохожим флакончики с красным средством от кашля:

– У меня есть робитуссин, детка. Настоящий робитуссин. Сироп от кашля. Сироп от кашля.

Сегодня его товаром были тонюсенькие деревянные рамки для фотографий. На шее же висела тяжелая махагоновая картинная рама. Буржуй собирался уходить. Когда он повернулся к Фариду, солнце высветило на фоне неба с редкими облаками его темный силуэт. Болезненный блеск кожи и седеющие усы на секунду сделали Буржуя похожим на оживший холст в зале для совещаний транснациональной корпорации.

– Мне пора. Вижу, крэка у вас, ребята, нет. Но если я вдруг узнаю о происшествии, на котором вы все можете погреть руки, непременно дам знать.

Гордый президент корпорации «Ничто» побрел по тротуару, толкая перед собой стальную тележку, одно из задних колес которой то заклинивало, то вело.

– Восхищаюсь этим засранцем, – сказал Фарик и крикнул в сутулую спину поджарого торговца: – Эй, Буржуй, жги дальше, бог!

– И почему ты им восхищаешься? – спросил Армелло.

– Этот чувак мог бы толкать наркоту, делать что-то негативное, как все мы, но он выбрал нищету, сбор бутылок, вторую жизнь алюминиевых банок и одновременно душ. Хвала Аллаху, вся хвала.

– Фарик сегодня глубок, – прокомментировала Надин.

Фарик снова постучал по журналу.

– Этот список – кладезь идей. Мы не профукаем нынешнее лето, пора закладывать фундамент. Делать деньги, поняли?

– Золотые слова, – воскликнул Армелло. Он сидел справа от Уинстона. – Так какая компания первая в списке, йоу? Держу пари, это музыкальный лейбл.

Уинстон замахнулся на Армелло. Тот зажмурил глаза.

– Борз, перестань.

– Музыкальный лейбл? Кому нужна эта мелочь? – сказал Уинстон. – Ниггеры могут похвастать чем-то большим.

– Да, да, ты прав.

Армелло был единственным из всей команды, у которого были, так сказать, «настоящие» деньги.

В двадцать лет Армелло играл в сборной города и был четвертым в драфтовом списке команды «Торонто Блю Джейс». Чтобы подняться выше четвертой позиции, агент посоветовал ему «помолодеть» на три года и изобразить семнадцатилетнего беженца, пострадавшего от урагана, к тому же не говорящего по-английски. Якобы Армелло вырос на грунтовых дорогах Барахоны, где играл в бейсбол, используя вместо перчатки пустую картонку от шоколадного молока. Уловка сработала. «Блю Джейс» решили, что нашли очередного босоногого самородка, и предложили Армелло сто тысяч долларов и место в команде младшей лиги в Ноксвилле, штат Теннесси. Через пять лет, четыреста девяносто две ошибки, показатель результативности 0.074, два тихо замятых дела об изнасиловании несовершеннолетней и одного вполне публичного приговора за избиение арбитра Армелло Сольседо мог похвастаться лишь ламинированной бейсбольной карточкой с собственной фотографией (коллекционная ценность – 0), ядовито-зеленым спортивным мотоциклом, припаркованным в нескольких метрах от крыльца, да переизбытком решимости «не просрать следующий шанс».

– Плюх, я с тобой, мы все сможем. Нам нужно только сосредоточиться. Черт, помню, мы играли против Чаттануги в конце августа, отстаем на одно очко, конец шестого иннинга, у них один уже на второй базе, двое в ауте, я встаю на поле...

– Третий страйк! – завопила Иоланда, указывая на воображаемую скамейку запасных где-то у пенсионерского клуба «Эль Тропикаль». – Армелло, ты не в Зале славы толкаешь сраную речь, так что завали ебало.

Пока Армелло дулся, она нетерпеливо простерла длань к Фарикку и провозгласила:

– Ну чего, ниггер, зал, или ступеньки, не важно, в твоём распоряжении.

Фарик взглянул на Уинстона.

– Чувак, ты бы присмотрел за своей девчонкой.

Уинстон пожал плечами:

– А ты чего ждешь, барабанной дробью? Рожай уже.

– Черная компания номер один в Америке... – Фарик сделал паузу и обвел взглядом всех присутствующих: – «ТиЭлСи Беатрис Интернешнл Холдингс».

Раздался коллективный вздох разочарования. Каждый рассчитывал услышать название какого-нибудь известного концерна: «Тексако», «Колгейт Палмолив», «Анхойзер-Буш» – короче, что-то, о чем они хотя бы слышали. Видя, как крошится и горит их расовая гордость, Фарик попытался исправить ситуацию:

– Оценочная стоимость компании – два миллиарда долларов.

– И чо? – хмыкнула Иоланда. – Кто вообще слышал про этих «ТиЭлСи Беатрис»? Чем они занимаются?

– «ТиЭлСи» выпускают апельсиновый сок. Они занимаются продуктовой дистрибуцией по всей Европе, особенно во Франции. Международные продуктовые марки, супермаркеты, сечете, да?

Фарик тут же осознал, что, упомянув такое солидное учреждение, как супермаркет, напросился на шквал издевательств. И мысленно приготовился к неизбежному осмеянию.

– погоди, так мы, по-твоему, должны ехать во Францию, чтобы развезить и продавать бакалею? Это твой путь к богатству?

– Помните, яйца и хлеб укладываются на самый верх.

– Менеджер, подойди к седьмой кассе, у меня два раза пробилось, нужен ключ. La llave, por favor¹¹.

– Да блин, никто из нас французского-то не знает.

– Э, ниггер, за себя говори, – вклинилась Иоланда. Она откинула свои косички за спину и затянула припев из старинного хита, используя расческу вместо микрофона: – Вуле ву куше авек муа се суа.

– Да, этим летом бабок не жди.

– Лапу сосать будем.

– Гичи-гичи я-я-да-да...

Фарик покачал головой, потрясенный близорукостью друзей.

– Вот потому у ниггеров и нет ни хрена. Чтоб вы знали, средний белый держит при себе полученный доллар примерно полтора года. А знаете, сколько времени тот же доллар провеет в кармане глупых ниггеров вроде вас?

– И на сколько, придурок?

– Тридцать восемь минут!

Фарик устало оперся на перила. Он поднял голову и простонал:

– Мой народ... мой народ... – видимо, надеясь, что кто-то проявит милосердие и избавит его от мучений.

В этот момент Чарльз О'Корен, сидевший на нижней ступеньке и до сих пор не проронивший ни слова, с готовностью нанес роковой удар:

– «ТиЭлСи Беатрис» даже не *принадлежит* черным. – Чарльз подождал, пока стихнут возгласы возмущения и недоверия, и продолжил: – На той неделе я видел передачу – черный брат, владелец, умер много лет назад. Деньги там стоили не меньше пары сотен лимонов. «Деньги стоили» – ха-ха, шутка, поняли?

Чарльз О'Корен был американским анахронизмом, представителем вымирающего вида: коренной, нищий белый житель нью-йоркского гетто. Семья О'Коренов переехала в Восточный Гарлем в середине двадцатых, когда район еще был раем для работяг. Сутулый Чарльз по прозвищу Белоснежка или чаще просто Белый жил в доме на углу 111-й и Третьей авеню с матерью Триш, отчимом Феликсом Монтойя и дедушкой Микки. Все послевоенные сороковые Микки О'Корен наблюдал, как улицы захлестывали приливные волны грузовиков. Схлынув к вечеру, машины оставляли после себя копошащиеся орды не отличимых друг на друга молодых пуэрториканцев, которые металась и бились, как выброшенная на берег рыба.

– Все лучше, чем макаронники, – оптимистично говорил он, прощаясь с Джааматти и Ламбрези, переезжавшими в белый заповедник Южного Бронкса.

Вскоре продуктовые лавки стали именовать бодегами, а названия продуктов на их полках оказались еще более непроизносимыми.

Нитки копченой пуэрториканской лонганисы вытеснили красные гирлянды колбас и сарделек. Столкновение культур сделало неизбежными многоязыкие споры с тендерос в заляпанных кровью рабочих халатах:

– Слушай, балда, давай сюда желтые bananas, а не эти неспелые зеленые, как сопля, plátanos. Ты кого назвал mofungo?! И давай еще фунт картошки. Paras, чико!

Упрямый патриарх не обращал внимания на мольбы друзей и близких о переезде. Пока в округе работала парикмахерская, в которой стригли «не под черножопого», и продавался баночный «Гиннес», Микки не видел причин менять место жительства. После рождения внука Микки завернул его в зелено-бело-оранжевые пеленки и потребовал, чтобы ребенка назвали гэльским именем – Эамонн, Колин или Падди. Триш хотелось чего-то менее ирландского, она умаслила деда Микки крепким стаутом и высказалась за более мягкое, обтекаемое имя, воз-

¹¹ Ключ, пожалуйста (*исп.*).

можно, испанское, символ расового примирения, чтобы мальчик не чувствовал себя белой вороной среди сверстников – Мианхель, Панчито или Рамон. Спустя три недели дебатов они остановились на классической и безопасной комбинации Чарльз Майкл О’Корен. А соседи решили возродить заслуженное англо-американское прозвище и окрестили ребенка Белым.

Когда кто-нибудь спрашивал Чарльза, не ощущает ли он неудобств в связи с явной этнической очевидностью своего прозвища, этот черствый веснушчатый парень девятнадцати лет отвечал:

– Оно делает мне не все равно.

Он предпочитал, чтобы друзья звали его Чарли О’ или Ледяной Ч. Но под брейкерской усмешкой клубились и параноидальные тенденции. Часто, шатаясь по улицам Испанского Гарлема и никого не трогая, он кривился, когда кто-то из местных бранил мироздание словами: «Гребаные белые!» – и задавался вопросом, что он сделал не так. Чарльз уговорил друзей не звать его Белым, и те нехотя согласились. Правда, старожилы вроде Уинстона, Фарика и Армелло иногда срывались, причем далеко не всегда случайно.

– Не, реально, – спросил Уинстон. – Тот черный уже не владеет компанией?

– Зуб даю. Владелец *был* ниггер, да, но, говорю же, помер. Теперь жена владеет компанией.

Уинстон прямо видел, как слово «ниггер» вылетает у Чарльза изо рта. В другой раз он прекратил бы подобное поведение, врезав чуваку в грудь за такое, но он не знал мертвого предпринимателя, поэтому решил пропустить эту бестактность.

– А жена его не черная?

– Не, Борз, телка вроде филиппинка.

– Филиппинка, – поправила Иоланда, выхватывая журнал из рук Фарика.

Она изучала список так пристально, как будто читала бы сводку тотализатора, выясняя, причитается ли ей выигрш в десять миллионов долларов.

– То есть крупнейшая черная компания Америки принадлежит какой-то восточной сучке?

– Азиатской.

– Молчи, Уинстон! Какой смысл считать черной компанию, которой когда-то владел черный? По этой логике чертовы индейцы должны брать с нас квартплату за вот это все! – Иоланда вскочила, обводя широким риелторским жестом бетонное ущелье 109-й стрит. – Богом клянусь, у вас мозги скисли...

Армелло не понравились пораженческие нотки, и он решил вернуть разговор в более позитивное русло:

– Ладно вам ругаться – подумаешь, крупнейшая черная компания Америки принадлежит китаезе, делов-то. В списке есть и другие компании. Что насчет *нумеро дос*?

Иоланда проглядела таблицу. Фыркнув от разочарования, она швырнула журнал обратно Фарика.

– Автомобильная группа Нормана Кирни. Говенный продавец подержанных машин в Детройте – крупнейшая по-настоящему черная компания. Я сейчас разрыдаюсь. Ебучая автобарахолка! Следующий пункт в списке небось африканские ниггеры, которые втохивают левые ролексы около статуи Свободы.

Фарик выглядел раздавленным. Надин утешающе обняла его и злобно уставилась на Иоланду.

– Слушай, баба, мой мужик хотя бы пытается. С тех пор как их обоих чуть не пришили, все ноют «Жизнь коротка, где бы взять денег, прямо сейчас». *Твой-то* что предлагает?

Все головы повернулись к Уинстону, который выпал из разговора примерно после «молчи, Уинстон». Сейчас он заполнял коротким зеленым карандашом мятый розовый бланк, используя спину Чарльза вместо стола.

– Борзый, хуль ты там делаешь?

– Заполняю анкету на пособие по безработице. С вами, долбоклювами, мне явно понадобятся два оставшихся месяца. В любом случае я запустил собственную программу. Обойдусь без вас, я здесь только по дружбе и ради развлечения. Так... Дата последнего обращения: прошлый вторник.

Армелло прыснул.

– Борз, откуда столько негатива? Службы поймают тебя на лжи – весь прошлый вторник ты дрых, потому что мы в понедельник гудели до утра.

Уинстон облизнул кончик карандаша и продолжил писать:

– Имя и должность опрошенного: Лестер Муньос, не, лучше Автомастерская Мальдонадо, Нью-Йорк, Гарлем, Западная 147-я стрит, 5881.

Чарльз расправил плечи:

– По 147-й дома идут только до пятисот с чем-то.

Уинстон стукнул Белого по затылку.

– Не ерзай, ниггер.

Чарльз снова уткнул локти в колени.

– Способ связи: игра в нарды в дальней комнате. Предпочтительная должность: настройщик спидометров, составитель списка украденных запчастей.

– Уинстон, не к добру эти игры.

– *Resultado*: получил предложение работы, но не смог принять его, потому что я слишком толстый для имеющихся комбинезонов, а также страдаю аллергией на монооксид – или диоксид, какая разница – углерода.

Уинстон сложил листок и убрал в задний карман. Иоланда отодвинулась от перил и от своего мужалентя.

– Борзый, ты какой-то странный, – заныла она.

Уинстон запустил руку в ее сумочку, вытащил автоматический «рейвен» двадцать второго калибра и недобро ухмыльнулся. Может, подумал он, я снова бросаю вызов судьбе с этого крыльца у дома 258 по Восточной 109-й стрит.

– Мы должны вернуться к тому, что у нас получается лучше всего, – к буйству. Я чувствую себя возмутителем спокойствия, как Ричард Уидмарк в «Поцелуе смерти», когда он готовится спустить с лестницы старушку в инвалидном кресле. Я готов взяться за дело. Я знаю, что остался в живых, потому что мне уготовано высшее предназначение.

– Ты бредишь. Когда это случилось, ты и не думал о каком-то предназначении. А сейчас что несешь...

Уинстон поднес пистолет к губам,дохнул на блестящий металл и принялся полировать оружие изнанкой рубашки, время от времени вертя его на солнце.

– Эти штуки пробуждают воображение. Вроде как у тебя есть шикарная идея, но пока не удастся ее схватить...

5. Инес

Пистолет изменил настроение собрания. Чарльз и Надин отреагировали на ствол, как бездетная пара – на чужого ребенка: «Мальчик мой, где ты это взял? Какая прелесть. Дай поддержать».

Иоланда и Фарик насторожились, но сохранили безразлично-спокойный вид; они уважали силу оружия, но понимали, что это не повод для беспокойства, если не обострять обстановку.

– Борзый, это ж пушка Деметриуса. Ты сбрендил? Ты же знаешь, на этом стволе трупы.

Загнав патрон в патронник, Уинстон наставил пистолет на трех человек в форме метрах в тридцати от крыльца. Троица с собакой на поводке шла в их сторону. Армелло запаниковал и издал стон подлинного блюзмена:

– О-о-о-о... Борзый, ты что творишь? Целишься в полицейских! Почему не сказал, что ты с вольной. Я же на УДО, чувак! Меня сейчас закатают, потому что ты, скотина толстая, ствол притащил!

Армелло повернулся к Фарику и нервно затараторил:

– Плюх, мне обратно в тюрьму не надо. Я не знал, что Уинстон притащил ствол, будешь свидетелем, лады?

– Расслабься, Армелло, это всего лишь Бендито с выводком.

Когда трое с собакой подошли ближе, Уинстон опустил руки и, хмурясь, положил пистолет под ногу.

– А я думал, ты боишься оружия, – прошептал Чарльз.

– Иоланда со мной работает. Я смотрю страхам в глаза. Заставляет привыкать к стволу, понемножку за раз, шаг за шагом. Как это называется, зай?

– Десенсибилизация фобии, – ответила Иоланда, радуясь возможности похвастаться терминами из «Введения в психологию». – Но я вижу, что ты все равно нервничаешь. Взмок весь, и веки дрожат. Жаль, у меня нет с собой прибора для измерения кожно-гальванической реакции, я могла бы численно оценить твой прогресс.

Тройняшки Бонилла – Бендито, Мигелито, Энрике – и их коричневый питбуль с розовым носом, Дер Комиссар, остановились у лестницы. Братья выросли на 109-й стрит, через два дома от Уинстона. Их внешний вид и политические воззрения покрывали весь местный латиноамериканский спектр. Бендито был красавец, хоть сейчас на обложку романа: блондин-жиголо, волосы шевелит тропический бриз, который он, видимо, повсюду носил с собой. Как националист, Бендито презирал ежегодный парад на День Пуэрто-Рико, как оскорбительный для *la Patria*. Он говорил:

– Когда мы пройдем маршем по Пятой авеню с оружием, как молодые господа, проповедуя любовь тайно, наших предков, тогда я запою «Оуе Сомо Ва». Tú sabes? Понял?

Мигелито был смугл, как кубинский боксер, но хранил верность предполагаемым испано-майорканским корням и Соединенным Штатам. Он считал, что вхождение Пуэрто-Рико под сень звездно-полосатого флага облагородит его возлюбленный остров.

– Мы больше не будем грязными. Мы будем экзотичными, сомо Гавайи, – считал он.

Энрике Бонилла, средний из тройняшек, страдал витилиго. Его кожа, как набивной ситец, сверкала всеми оттенками меланиновой палитры, и политические взгляды были под стать. Он метался между тремя главными ипостасями Пуэрто-Рико: независимостью, государственностью и текущим статус-кво – протекторатом США.

Объединяла тройняшек ненависть к Уинстону. Вражда между ним и братьями началась еще в начальной школе. В один прекрасный день Борзый заметил, что лицо Энрике напоминает пазл из карты Соединенных Штатов. Он затолкал юного члена тройцы в чулан со школьными

швабрами, фломастером указал названия штатов на каждом пятне его лица, поставил точки и подписал все столицы, которые смог вспомнить: Сакраменто, штат Калифорния, располагался рядом с правым ухом Энрике; Топпика, штат Канзас – под правым глазом; Индианаполис, штат Индиана – под левым, и Талахаси, штат Флорида – на левой челюсти. По словам Уинстона, извилистая линия, которая пересекала лицо Энрике ото лба до подбородка, символизировала реку Миссисипи. Этот поступок стал объявлением войны, и с тех пор Уинстон оттачивал на братьях Бонилла свои боксерские навыки.

Несмотря на то что тройняшки записывались на все доступные школы карате и бокса в Манхэттене, Уинстон бил их жестоко и регулярно, размалывая в фарш все зиготные комбинации: поодиночке, Бендито и Энрике, Бендито и Мигелито, Энрике и Мигелито и всех троих вместе. Как многие городские дети, страдавшие от издевательств, братья Бонилла после окончания школы записались во вспомогательную полицию. Служебное рвение не стало следствием стремления братьев к социальной справедливости. Скорее их натаскали для работы, которая давала выход мстительности и подавленной ярости. Из оружия полагались лишь наручники, фонарик и штрафные бланки. В родном квартале у них была репутация не из лучших: они последними появлялись на месте преступления и часто исподтишка били подозреваемых, чтобы продемонстрировать «полицейскую солидарность».

Братья с собакой остановились у крыльца. Две стороны, надзор и поднадзорные, какое-то время молча смотрели друг на друга. Бендито, старший (на три минуты), поставил на нижнюю ступеньку ногу в сияющем ботинке из искусственной кожи. Их адский пес, Дер Комиссар, поставил рядом короткую лапу. Плевков Уинстона приземлился в нескольких сантиметрах от ботинка Бендито, и собака тут же отдернула лапу на тротуар.

– День добрый, morenos¹², – поздоровался Энрике.

– Buenas tardes a los tres pendejós. Ahora, vete por carajo¹³, – ответил Уинстон.

Дер Комиссар, знавший испанский лучше братьев, зарычал.

– Йоу, Борзый, повезло тебе, что собака на поводке, а то тебе пришлось бы туго, бро, – предупредил Бендито.

– Поводок у твоего пса для его же защиты, потому что я опасный ниггер. Подойдет ближе, капец ему.

– Народ, вы не видите знак «Без дела не собираться»? – спросил Энрике, высвечивая фонариком ржавую табличку, которую бедняки игнорировали с начала века, а полиция использовала как предлог для издевательств.

Ни те ни другие не обращали внимания на плакаты, небрежно наклеенные под этим знаком. Все еще морщинистые и влажные от клея плакаты гласили:

В ДЕНЬ ВЫБОРОВ ВЕРНИТЕ ВЛАСТЬ СЕБЕ И СВОЕЙ ОБЩИНЕ – ГОЛОСУЙТЕ ЗА МАРГО ТЕЛЛОС, КАНДИДАТА ОТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ГОРОДСКОЙ СОВЕТ ОТ 8 ОКРУГА. LIMPIANDO NUESTRAS CALLES¹⁴.

Фарик сделал не слишком энергичную попытку решить дело миром:

– У нас есть дело. Мы проводим деловое совещание. Планируем финансовую стратегию на лето.

– Торговля наркотиками есть в списке? – спросил Мигелито, двумя руками удерживая поводок Дер Комиссара.

¹² Смуглые, коричневые (*исп.*).

¹³ Добрый день, три засранца. А теперь пошли на хрен (*исп.*).

¹⁴ Очистим наши улицы (*исп.*).

– Сомневаюсь. Собираемся все бизнесы перевести в легальную плоскость. Вот Борзый как раз собирался поделиться плодами мозгового штурма.

Уинстон поднял ногу и извлек пистолет. Братья торопливо отступили, спотыкаясь друг о друга и падая. Пока они выпутывались из повода, Уинстон постарался использовать выгоду своего положения. Он держал маленький пистолет на ладони, демонстрируя его всем, как продавец оружейного магазина.

– Я предлагаю купить кучу оружия и выкрасить им дула оранжевой краской, как у игрушечных пистолетиков. И когда какой-нибудь шкет решит вальнуть правоохранителя, как вы, например, коп задумается, не игрушечное ли оружие в руках нападающего. А потом – сюрприз!

Уинстон убрал пистолет в карман шорт.

– Неплохая идея, – прокомментировала Иоланда, бросив на Надин торжествующий взгляд «Что, съела?». И та и другая, насупившись, придвинулись к своим мужикам.

Братья опомнились, поправили свои галстуки-бляхи. Мигелито провел фонарем по кованым балясинам, превратив перила в какофоническую арфу.

– Есть еще гениальные идеи, толстячок?

– Sí, claro, tamao¹⁵. Я тут подумал, что мы, объединив свои ресурсы, можем снять кино, – ответил Уинстон.

– Вот это да! – восторгнулся Фарик, приостанавливая разборки с тройняшками. – Вы когда-нибудь бывали в кино с этим чуваком? Мой кореш смотрел фильмы в местах, про которые вы даже не слышали. Я с этим чудаком как-то пошел на какую-то японскую киношку, да абы куда, а в YWCA.

– «Бездомный пес», – улыбнулся Уинстон.

– Фильм проецировали на стену. Я и так не фанат сидения в темноте, но там даже субтитры не получалось читать.

– Слишком быстро?

– Не-а, там и так все бледные, как швейцарский сыр, сидят в белой комнате, одеты в светлые льняные костюмы, так еще и субтитры сделаны белыми буквами. Я с ходу потерял нить – читать было так же бесполезно, как искать Белого на хоккейном матче. Но тот ниггер с большими губами играл круто.

– Такаси Симура.

– Больше я в кино с Борзым не ходил. Мне неудобно. В зале ни хера никого, кроме белых пенсов. Ни единого ниггера. Может, один-два тупых придурка, которые напоказ выгуливают своих белых сучек. «О да, Канны в этом году были анкуаябль». Педрилы! Черных пар там точно не было, сто процентов. Как ты вообще заинтересовался этим заграничным гуано, Борзый?

– Прогуливал как-то школу в Гринвич-виллидж. Вижу на вывеске маленького кинотеатра – «400 ударов». Ну, я сдуру решил, что это про кунг-фу, сразу зарулил. «Один взрослый. Где продают колу и попкорн?» Приготовился ко всяким стилям пьяной обезьяны, знаешь ведь. Оказалось, что картина...

– Не, вы его слышали? Картина!

– Отстань. В общем, этот французский чувак и его кореш... – Остальное Уинстон пробормотал себе под нос.

Фарик поднес руку к уху.

– Чего? Не слышу.

Чарльз, который сидел ближе к Уинстону, с готовностью отозвался:

– Кажется, Уинстон сказал «искали поэзию, чтобы объяснить свои непонятые жизни». И потом еще вроде «Бальзак».

¹⁵ Конечно, мамочка (исп.).

Уинстон понимал, что сейчас не лучшее время пересказывать черно-белый фильм, который нечаянно покорило его сердце и заставил сопереживать французскому пареньку, Дуанелю, молодому, одинокому парижанину, который в последних кадрах бежит к морю. Уинстон хотел догнать его, схватить за плечо. *Погоди! Куда ты? Можно мне с тобой? Что там за история с этим толстомясым придурком Бальзаком?*

Губы Уинстона задрожали от отвращения.

– Ни хера я не говорил ни про какого Бальзака. Я сказал: «Они с корешем не хотели ползать».

– Но про поэзию ты точно что-то сказал.

Уинстон решил продолжить свой тет-а-тет с Бендито и спустился с крыльца.

– У меня есть идеи для двух фильмов. Один андеграундный, другой коммерческий.

Бендито кипел, но, защищенный своим значком и односторонней судебной системой, не двигался с места. Уинстон и Бендито уперлись друг в друга лбами, кончики их носов соприкасались, как у влюбленных эскимосов. Наконец Борзый заговорил, холодно и твердо:

– Мой андеграундный проект будет очень радикальным. Настоящий снафф, где ниггеры в масках устраивают засаду на полицейских и проводят полевое тестирование их пуленепробиваемых жилетов. Ребята выходят из кафе, вытирая подбородки... Чпок! Чпок! Называться будет «Офицер ранен». Будем продавать их тут на углу, рядом с пиратскими диснеевскими мультиками. Все доходы пойдут семьям людей, убитых копами.

Уинстон сделал глубокий вдох и начал перечислять имена, вбитые в его голову во время лекций о «полицейском насилии», когда отец еще забирал сына на выходные.

– Эрнест Сайон, Джейсон Николс, Ён Синь Хуан.

Капли горячей слюны Уинстона перелетали на лицо Бендито Бониллы и остывали на легком уличном ветерке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.